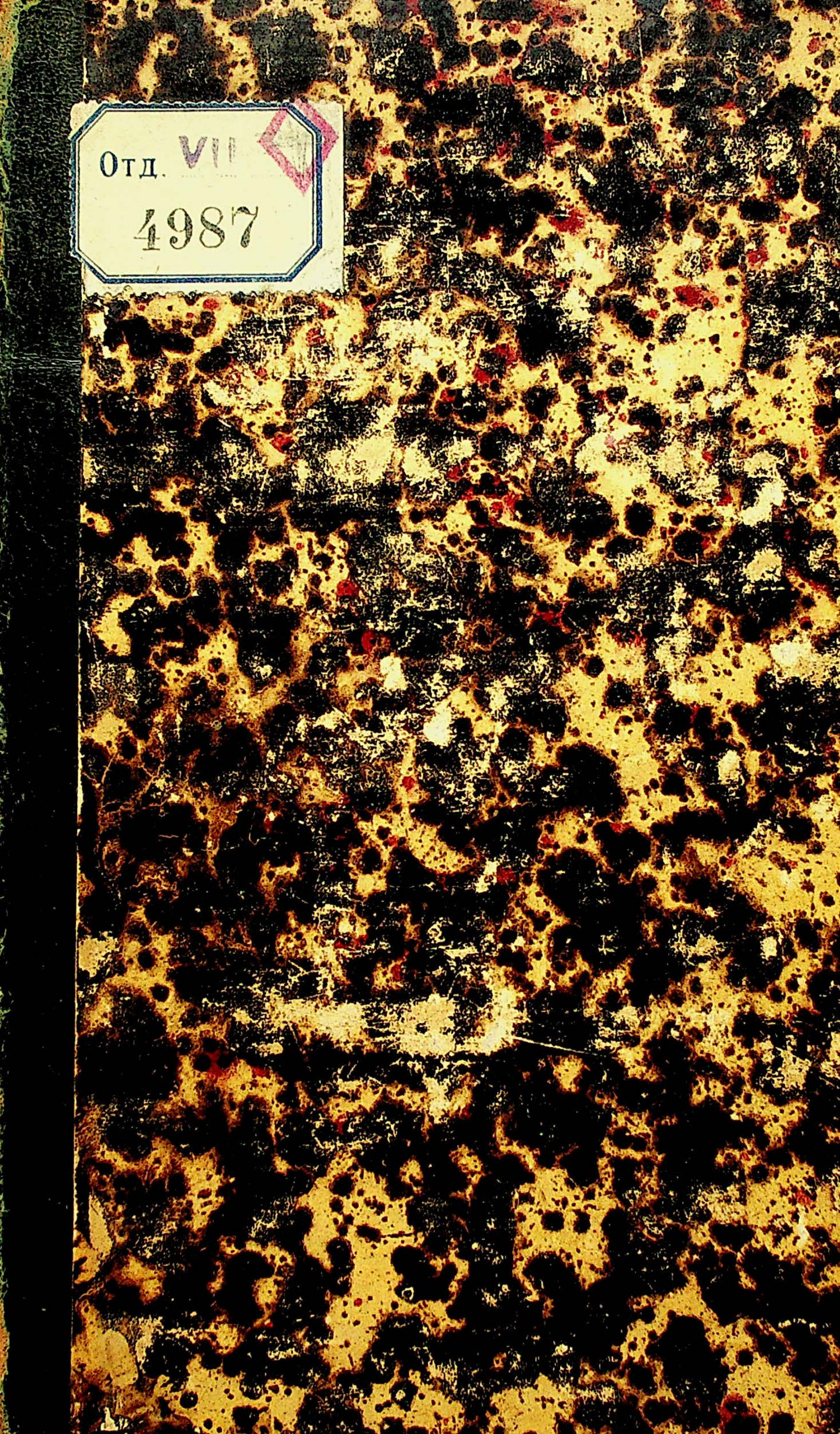
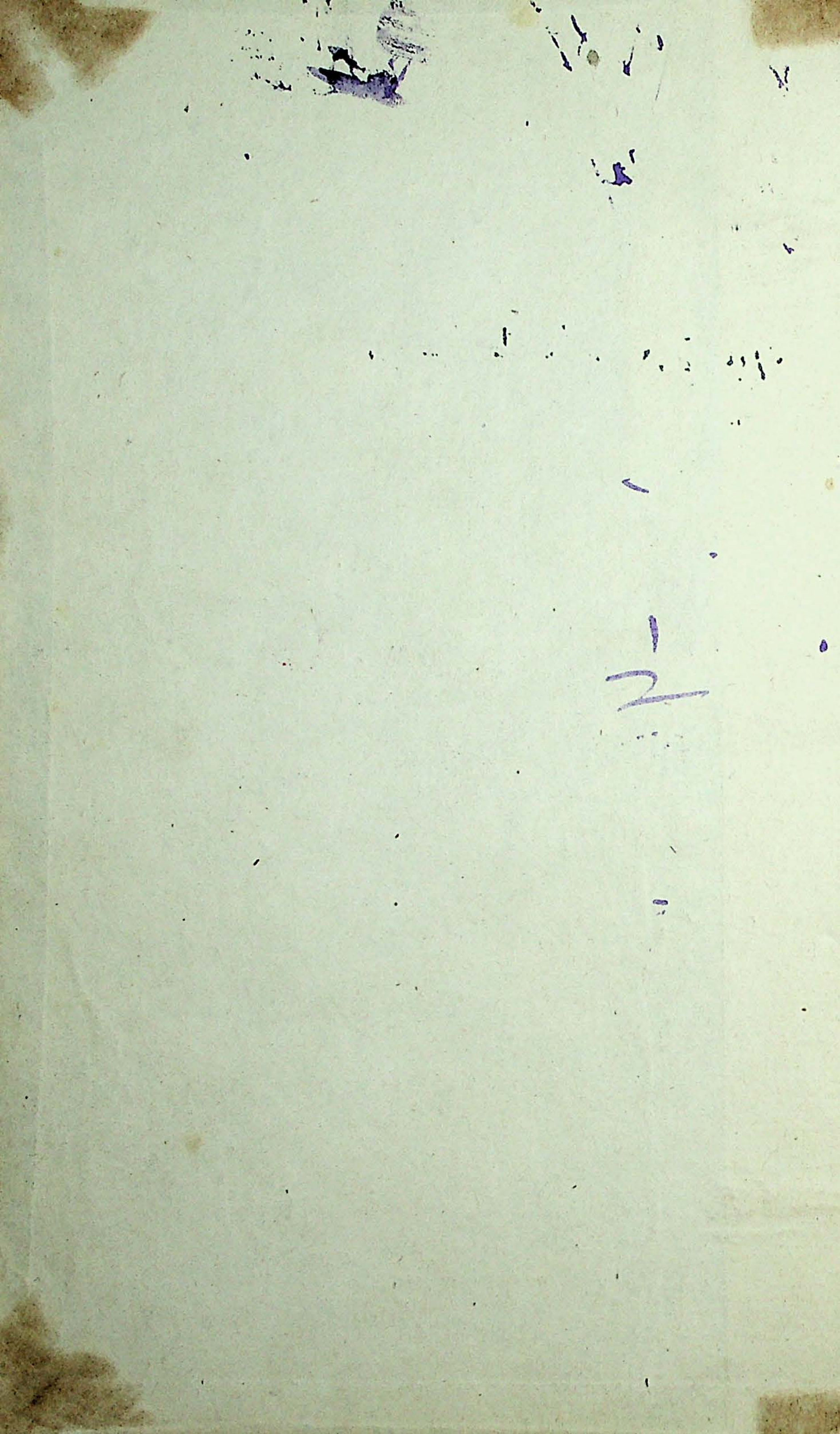

Отд. VII
4987

1/2

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія *Думы*.

КНИГА II. Пѣсни Козацкія *былевыя*.

КНИГА III. Пѣсни Козацкія *бытовыя*.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 23 го дня 1834 года.

Ординарный Профессоръ, Ценсоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

(*Цѣна 3 руб.*)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная."

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 130 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое Собраніе: и оно теперь простирается уже до $2\frac{1}{2}$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со-временемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя *Н. П. Цертелева* — перваго издате-

ля Украинскихъ Думъ, *Н. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я пріобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *Думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно-Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*. Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитой старины. Другіе народы въ память важныхъ происшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

ваетъ минувшее: событія Козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную Лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II й части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ Козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III й части собраны *пѣсни гулливыя*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгулъ, каррикатура и т. п.

Въ IV й части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ бо́льшею придуманностію, то восходящею до символической восторженности, то облекающеюся въ прелесть идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой Поэзіи народа. Благоуханные вѣчносвѣжіе цвѣты ея проростаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ Думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ ста-

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хотѣлъ-было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ отложить это впредь, поспѣшая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находятся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Краткая Грамматика Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 5 No Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: бо́льшая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже однѣ и тѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *П. В. Кирѣевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки* Украинскихъ пѣсенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ, лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ, а кто можетъ, то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, что̀ умѣютъ вполнѣ *пропѣть*. Всякая пѣсня, *какого бы ни была содержанія*, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсенъ, поэтическія не менѣе словъ ихъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсенъ, (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ*, уже вышла въ свѣтъ.

М. М.

Москва, 21 *Мая*.

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украйнѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ *Веснянки* (No 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) напѣвъ извѣстной пѣсни *Антонъ козу веде*, существуетъ у Нагайскихъ Татаръ, которые подъ него пляшутъ или лучше сказать толкутся на одномъ мѣстѣ, сцѣпившись въ длинную вереницу.

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВОПРОИЗНОШЕНІИ (*).

I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есть Ї, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: мои, твои; 2) *мягкое*, болѣе гортанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго Ы въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква И *послѣ гласныхъ* и буква Ѣ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (*паеркомъ* ^) — â, ê, û, î, ô. ŷ.

(*) Употребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я старался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласивъ оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читаютъ сообразно своему выговору природному; 2) употребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажется слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними отчасти согласенъ въ этомъ, и думаю, что для домашняго обихода простѣе *Слобожанскій* способъ писанія, по

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паеркомъ*) **произносятся какъ** *мягкое* **І.**

Примѣры: мы ходили битыми шляхами; якій ты милый: въ этихъ словахъ вездѣ одно *мягкое* **І. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходылы бытымы шляхамы.) — Мôй кôньнêсъ вôдсêль кра̂й дороги мêжъ камêньями; ŷхъ конŷ дорогіи; дѣвка пôшла за-мŷжъ, слêзми обливаѣтся; у сына синŷй нôсъ. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мій кинь нисъ видсиль крій дорогы мижъ каминьнямы; ихъ дивка пишла за-мижъ, слизмы облываецьця; у сына сыній нисъ.)**

которому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, стараются писать, слѣдуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ѣ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія остраго І употребляютъ только И, І, а для мягкаго — Ы; пишутъ гнуцьця, облываецьця и т. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писать *малако, кажетца, майо, святова* — но это не есть *правописаніе*, и въ Грамматикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказать и то, что правописаніе есть такой предметъ, по которому не бываетъ полнаго соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литтературахъ, и мѣлкія оттѣнки онаго болѣе или менѣе составляютъ особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводить что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличая старинныя письмена и множество

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро;* послѣ согласныхъ выговаривается *твердо;* и тогда только выговаривается какъ *іо,* когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, гострый; въ немногихъ словахъ, кажется, только иностранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсенъ, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (большею частію не заботившихся объ искуственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Котляревскаго, въ которомъ и буква Ѣ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно ставится по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣтку паеркомъ буквъ й, і̂, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ô, ê, â, ŷ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое і̂. Ставьте вмѣсто ихъ букву И, отбросьте паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Котляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Грамматикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что̀ сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

IV) Буква В не выговаривается какъ *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узявъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (уже́, вже; уёго, въёго; умираю, вмираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вôнъ, вона́, воно́, вôвса, вôвця, въ вôчи̂ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: повный повкъ, вовкъ, жовтый. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лъ*, всегда имѣетъ *въ* (*ходивъ*, *гулявъ*).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: *зѣлья*, зѣлля; *коханья*, коханьня; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ь, но часто Н; напримѣръ: имья, времня, памнять. Глагольное окончаніе *тся* или *ться*, выговаривается *цця* или *цьця*; да и вообще *тс* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи овати, въ словахъ: табуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять о̆, что̀ и будетъ ъ̆, прежде употреблявшійся въ срединѣ словѣ (вълкъ).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вкралось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія:

Въ книгѣ первой.

Стр. 21 стихъ 1. Украйнѣ — *чит.* Украйнѣ.
— 33 сизые орлы — *чит.* быстрые орлы.
— — стенью розлеглась — *чит.* степью разлеглась.
— 56 внизу, Вмѣсто: Надôлокъ — заступъ? кажется должно поставить: надѣлокъ — ножны?
— 57 стихъ 5. питала — *чит.* пытала.

Въ книгѣ второй.

— 67 —— 1340 г. два раза ошибкою поставленъ вмѣсто 1320.
— 68 —— Дума X — *чит.* Дума IX.
— 74 —— Пѣсни о *Морозенкѣ* должно перенести въ третій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
— 111 стр. 10. 32 пѣсня относится къ 1731 (1761 явная опечатка).
— 115 Внизу опечатка: рáпоръ *чит.* Прáпоръ.
— 126 Землею Донскою *чит.* Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія пърсты на живая струны въскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокотаху!

Пѣснь Игорю.

А. — *Думы* суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Отъ *пѣсень* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ тоническихъ стопъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: тогда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда риѳмованные. Содержаніе ихъ большею частію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 Думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько Думъ Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я Думу 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней читатели найдутъ двѣ любопытныя Думы, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Баторія* и *смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Серпяги* (И. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандуристовъ есть большая Дума, въ которой воспѣвается *Дашковичъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились Думы и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича-Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію стариковъ-Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНІЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна — тўгою взыдоша по Руськой землѣ. . .

Пѣснь Игорю.

Б. — **Сѣчью** называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій таборъ или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ или Хортищѣ, находящемся за Порогами близь мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* таже что и *Засѣки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на части, называемыя **куренями**, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холивы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Баторіѣ Украйна раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сотеннымъ городомъ), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ такого собирательнаго значенія, *Куренемъ* въ Украйнѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ тростника (очерéта), либо орѣшника крытаго соломой, дѣланный для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игоревой пѣсни упоминается о *ку́ряхъ* Тмутараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *ку́рею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошоваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Писарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады (*до Куреня*).

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ѲЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Апаманъ, можетъ быть, есть тотъ самый Безродный (Ѳома), который былъ Войсковымъ Писаремъ при отважномъ Гетьманѣ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагóю (1) Днѣпровóю
Молодыи козáкъ обѣдъ обѣдáе; не дýмае, не гадáе,
Що на ёго молодóго, щé й на чýру (2) малóго бѣдá настигáе.
То не вéрбы луговыи зашумѣли . . .
Якъ безбóжны ушкалы́ (3) налетѣли,
Хвéдора Безрôдного, Отáмана Курêнного,
Постреляли, порубáли — тôльки чýры не пôймáли.
То малыи чýра до козакá прибувáе (4),

(1) Сагá — заливъ. Болóньемъ называется собст. лугъ, лугомъже назывался лѣсъ, покрывающій низменныя мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того *лугъ* называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, – часто говорится о *шумѣ* луга. Отъ пороговъ за Днѣпромъ идетъ *великій лугъ*, и у Запорожцевъ *(Лугарей)* была пословица: *Сѣчь мати, а великій лугъ батько.* (2) Чýра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы́ — разбойники. Не суть-ли это Русскіе *ушкуйники*, разъѣзжавщіе на судахъ, называемыхъ *ушкуями.* (4) Прибувáти — прибывать приходить. Бýти — быть.

Ра́ны ё̆му́ глыбо́кіи промыва́е. То коза́къ ё̆му про-
мовля́е (5):

„Чу́ро мо̂й, чу́ро! Вӗрный слу́го!
По̂йди́ ты степо́мъ по-надъ Днѣпро́мъ.
Послу́хай (6) ты, чу́ро: чи (7) то гу́сы кричя́ть,
чи ле́беди̂ ячя́ть,
Чи ушкалы́ гуду́ть, чи мо́же (8) козаки́ Днѣпро́мъ
иду́ть?
Коли́ гу́сы кричя́ть, або́ ле́беди̂ ячя́ть — то
сжени́ (9);
Коли́ ушкалы́ гуду́ть — мене́ зхорони́;
Коли́-жъ козаки́ иду́ть — то объяви́,
Неха́й воны́ човны́ до бе́рега привертаю́ть,
Мене́ Хве́дора Безро̂дного навѣщаю́ть." —
То чу́ра малы́й по бе́регу пробѣга́въ,
Козако̂въ забача́въ (10), ша́пкою маха́въ, слова́ми
промовля́въ:
— Пано́ве-молодці̂! до́бре вы дба́йте (11),
Човны́ приверта́йте, до Ота́мана Куре̂нного поспѣ-
ша́йте!
То козаки́ тее зачува́ли (12),
До бе́рега приверта́ли, Ота́мана навѣща́ли.

(5) Промовля́ти — говорить, промолвить. Мовъ — словно. Мо́ва — рѣчь. (6) Слу́хати — слушать. (7) Чи — ли, ставится въ началѣ слова. (8) Мо́же — можетъ быть; ма́бу́ть — видно, знать. (9) Жену́, гна́ти — гоню, гнать. (10) Забача́ти — савидѣть; ба́чу — вижу; ба́читься — кажется, сдаётся. (11) Дба́ти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. вм. пріобрѣтать; до́бре — хорошо. (12) Чу́ти — слышать.

Тогдй козáкъ чýру выхваляе, словáми промовляе:
„Чýро мôй, чýро! вѣрный слýго!
Колй ты бýдешь вѣрно пробувáти,
Бýдуть тебé козакй поважáти!"
То тée промовлявъ, опрощéнье зо всѣми бравъ,
Милосéрдому Бôгу дýшу отдáвъ. —
Тогдй козакй шáблями суходôлъ (13) копáли,
Шáпками, припôлами (14) пéрсть выймáли,
Хвéдора Безрôдного ховáли,
Въ семипьядні пищалѝ гремáли,
У сурéмки (15) жалôбно выхваляли:
То ще дôбре козáцька головá знáла,
Що безъ вôйська козáцького не вмирáла!

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаетъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаетъ, что его молодаго, и его малаго чуру бѣда настигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . . безбожные разбойники налетѣли; *Өедора Безроднаго* Куреннаго Атамана пострѣляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ мáлый чура приходитъ къ козаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему козакъ: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! Пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходôлъ — земля сухая. (14) Припôлы — концы полъ. (15) Сурмá и Сурéмка — труба, Сурмáчъ — трубачь. Сурмúти — трубить.

гуси-ль то кричать, ячать-ли то лебеди, разбойники-ль гулять, или можеть, козаки Днѣпромъ идуть? Коли кричать гуси или ячать (*) лебеди, то сгони; коли разбойники гулять, схорони меня; коли жь козаки идуть, то скажи, пусть они челноки свои приворачиваютъ къ берегу и навѣстять меня козака Өедора Безроднаго.

Вотъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машетъ шапкою, говоритъ словами: Паны-молодцы! сдѣлайте доброе дѣло, приворачивайте челноки, поспѣшайте къ Атаману Куренному.

Козаки то услышали, къ берегу причаливали, Атамана навѣстили.

Хвалитъ козакъ чуру и говоритъ такія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли ты будешь вѣрно жить, будутъ тебя козаки чтить.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу отдалъ душу.

Тогда козаки саблями копали суходолъ, выгребали землю шапками и прiполами, хоронили Өедора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей, и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣло козацкая голова знала, что безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Ячать — говорится про крикъ лебедей, который въ Русскомъ языкѣ кажется, не выражается особымъ словомъ. Кукушка (*зозуля*) — куетъ; воронъ — крячетъ, груетъ (въ Пѣс. Игор. *граетъ*); кречетъ — куркуетъ и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой сѣчи* (остр. Хортицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ пѣснѣ *о Морозѣнкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Церпелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ го́рода изъ Азо́ва не ве́ликіи тума́ны вспа-
ва́ли,
Три бра́та рôдне́нькихъ зъ тя́жкои нево́лî вте̂-
ка́ли (16).
Два кôнныхъ; тре́тій пе́шій за ни́ми пôдбѣга́е,
На сыре́ коре̂нья, на бѣле каме̂нья
Нôжки́ свои́ коза́цькіи посѣка́е, кро́вью слѣды́
залива́е,
До кôнныхъ бра́тôвъ добѣга́е, слова́ми промовля́е.

(16) Утѣка́ти — убѣгать, уходить.

„Ста́ньте вы, бра́тця! ко́ней попасе́те, мене́ по̂-
дождѣ́те,
Зъ собо́ю во̂зьмѣ́те, до городо̂въ хрестія́нськихъ
по̂двезѣ́те.“
То середу́льшій (17) тее зачува́въ, ста́ршого пы-
та́въ;
То ста́ршій ёму́ слова́ми промовля́въ:
– Чи ще́-жъ тобѣ́ не дала́ся тя́жкая нево́ля зна́ти?...
Якъ бу́демъ мы бра́та дожида́ти,
Бу́де насъ пого́нь догання́ти, бу́де насъ стре-
ля́ти, руба́ти,
Або́ (18) въ тя́жко̂й робо́тѣ бу́демъ пропада́ти. —
„Коли́-жъ мене́, бра́тця, не хо́чете жда́ти —
Ставъ ме́ньшій промовля́ти —
То прошу́ васъ, бра́тця: на пра́ву сто́рону звер-
та́йте,
Ша́блі̂ изъ по̂хвъ (19) вині̂ма́йте, тѣ́ло мое́
поруба́йте,
Въ чисто̂мъ степу́ похова́йте (20),
Звѣ̂рю да пти́цѣ на пота́лу (21) не да́йте!“ —
То середу́льшій тее зачува́въ,
Слова́ми промовля́въ:
— Сёго́, бра́те, изъ-ро́ду ні̂где́ не чува́ли,
Щобъ ро̂дною кро́вью ша́блі̂ обмыва́ли,
Або́ го́стрымъ спи́сомъ (22) опроще́нье бра́ли. —

(17) Середу́льшій или середу́щій — середній. (18) Або́ — либо. (19) По̂хва — ножны. (20) Хова́ти — хоронить, прятать. (21) Пота́ла — покормка. (22) Списъ — копье, пика. Го́стрый — острый.

„Коли́-жъ не хо́чете, бра́тця, мене́ руба́ти,
То прошу́ васъ, бра́тця, якъ бу́дете до байра́-
ко̂въ прибува́ти,
Терно́ві̂ вѣтки въ запо̂лье (23) руба́йте,
Менѣ́ призна́ку покида́йте!“ —
То вже́ два казаки́ въ байраки́ въѣзжа́е;
Середу́льшій бра́тъ милосе́рдіе ма́е:
Верховѣ́тья у терно̂въ зтина́е (23′),
Ме́ньшому бра́ту примѣ́ту покида́е.
А якъ стали на Мура́вській шляхъ выѣзжа́ти,
Нѣ́чѣмъ ёму́ призна́ко̂въ покида́ти;
Во̂нъ черво́ну (24) кита́йку зъ-по̂дъ жупа́на (25)
выдира́е,
По шляху́ розкида́е, ме́ньшому бра́ту примѣ́ту
зоста́вляе.
То якъ ста́въ пѣшехо́децъ зъ терно̂въ выходи́ти,
Ста́въ черво́ну кита́йку находи́ти:
У ру́ки хвата́е, дро̂бными слёза́ми облива́е.
„Не-ду́рно (26), промовля́е, черво́на кита́йка по шля́-
ху валя́е,
Ма́буть (27) моихъ брато̂въ на свѣ́тѣ нема́е!...
Ма́буть за ни́ми зъ го́рода Азо́ва пого́ня встава́ла,
Мене́ въ терна́хъ на спочи́вѣ (28) мина́ла,
Брато̂въ моихъ доганя́ла, стреля́ла, руба́ла!

(23) Запо̂лье — завороты поль. (23′) — ссѣкаетъ. (24) Черво́ный — красный (чермный). Червонная китайка весьма часто упоминается. (25) Жупа́нъ — кафтанъ. (26) Неду́рно, неда́рма — не даромъ. (27) Ма́буть — можетъ быть, видно. (28) Спочи́въ, опочи́вка, — отдыхъ, сонъ.

Колибъ менѣ Богъ
Милосердый помôгъ
Тѣло козацьке находити,
Въ чистôмъ степу хоронити!" —
Що одно безвôдье, друге безхлѣбье,
Третье буйный вѣтеръ въ полѣ повѣвае,
Бѣдного козака зъ нôгъ валяе . . .
— „Ой годѣ-жъ менѣ за кôнными братами уганяти,
Часъ менѣ козацькимъ ногамъ пôльгу (29) дати!"
То тее промовлявъ, до Саворъ-могилы прибувавъ,
Пôдъ Саворъ-могилою спочивавъ.
Въ той часъ сизы орлы налêтали,
Пильно (30) въ очû козаковû заглядали.
Козакъ тее забачае,
Словами промовля:
„Орлы сизо-пêры,
Гостû мои милы!
Прошу я васъ тогдû налêтати,
Зъ лобу очû менѣ высмыкати (31),
Якъ не буду я свѣта Божого видати. . ."
То тее промовлявъ,
За часъ, за годину милосердому Богу душу оддавъ.
Тогдû орлы налêтали, зъ лобу очû высмыкали,
Тогдû ще й дрôбна птиця налêтала,
Коло жовтои костû тѣло оббûрала.
Вовки-сѣроманьцû (31′) набѣгали, тѣло козацьке рвали,

(29) Пôльга — льгота (польза! такъ вм. *нельзя*, говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *нельга*). (30) Пильно, спильна — пристально; пильновати — прилѣжать. (31) Смыкати — дергать. (31′) Вовкъ сѣроманець — волкъ-сѣрякъ.

По тернахъ, по балкахъ жовту кость жвакова-
ли (32),
Жалôбненько квилили, проквиляли (33):
То жъ воны козацькіи похороны одправляли!
Де-ся взялась сиза зозуленька,
Въ головкахъ сѣдала, жалôбно кувала;
Якъ сестра брата, або мати сына оплакала. —
Стали кôнны браты до городôвъ хрестянсь-
кихъ дохожати,
Стала къ ихъ сердцямъ велика туга налягати.
То середульшій братъ до старшого брата слова-
ми промовляе:
„Не-дурно къ нашимъ сердцямъ велика туга на-
лягае:
„Мабуть нашого брата живого на свѣтѣ немае!
„Якъ будемо, брате, до отця й матерû при-
бувати?
„Якъ будуть воны насъ пытати, то що ста-
немо казати?
То старшій братъ тее зачувае,
До середульшого словами промовляе:
„Скажемъ: не въ одного пана въ неволѣ бували,
Нôчнои добы (33') зъ неволû втêкали,
Его сонного будили не збудили,
Тамъ ёго въ неволѣ й зостановили!“
То середульшій братъ тее зачувае,

(32) Жваковати — жрать, жвакать. (33) Квилити, проквиляти — выть, завывать. (33') Ночною порою. Доба — пора, время.

До старшого брата словами промовляе:
„Якъ не будемъ отцю й матери правды казати,
То буде насъ отцевська й материньска молитва
карати. —
Тоди старши браты на поля Самарськи выѣзжаютъ,
Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ маютъ,
Коней попасаютъ.
Въ той часъ безбожныи бусурманы набѣгали —
И тыхъ двухъ братôвъ порубали,
Тѣло козацьке карбовали (34),
Въ чистôмъ полѣ розкидали,
Головы на шабли вздыймали, довго глумовали!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Цертелевскомъ спискѣ сей Думы атаманъ Запорожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломыйченкомъ*: кто онъ такой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексѣя Поповича* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

---

(34) Карбовати — нарубать, рубить, — оттуда карбованецъ — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чо́рному мо́рѣ на бѣ́лому ка́мнѣ
Ясне́нькій со́ко̂лъ жало̂бно кви́литъ, прокви́ляе,
Сму́тно себе́ ма́е, на Чо́рнее мо́ре спи̂льна́ погляда́е.
Що на Чо́рному мо́рю недо́бре ся-почина́е,
Що на не́бѣ усе́ звѣ́зды пошмари́ло (35),
Полови́ну мѣ́сяца въ хма́ры (36) вступи́ло.
А изъ ни́зу бу́йный вѣ́теръ повѣва́е,
А по Чо́рному мо́рю супроти́вна хви́ля (37) встава́е,
Су́дна коза́цькѣ̂ на три ча́сти̂ розбива́е.
Одну́ часть взяло́ — въ зе́млю Ага́рську занесло́,
Дру́гу часть го̂рло (38) Дуна́йське поже́рло (39),
А тре́тя—где́ ся-ма́е? —въ Чо́рному мо́рю потопа́е.
При то̂й ча́сти̂ бувъ Грицько́ Зборо́вській
Отама́нъ коза́цькій Запоро́зській,
Той по су́дну похожа́е, слова́ми промовля́е:
„Хто-сь мѣ̂жь на́ми, пано́ве, вели́кій грѣхъ на собѣ́ ма́е!
Що-сь ду́же зла́я хуртови́на (40) на насъ наляга́е.
Сповѣда́йтесь, пано́ве, милосе́рдому Бо́гу,
Чо́рному мо́рю, и менѣ́ Отама́ну Кошово́му;
Въ Чо́рнее мо́ре впадѣ́те,
Во̂йска коза́цького не губѣ́те!“
То коза́ки тее зачува́ли, усѣ́ замовча́ли,
Бо въ грѣха́хъ себе́ не знава́ли.
То̂льки обо̂зва́вся Пи́сарь Во̂йсько́вый, коза́къ лестро́вый,

(35) Пошма́рити — помрачить. (36) Хма́ра — туча. (37) Хви́ля — волна. (38) Го̂рло, — устье. (39) Поже́рло — пожрало. (40) Хуртови́на — напасть, буря.

Пирятиньскій, поповичъ Олексѣй:
„Добре вы, брапця, вчинѣте (41), мене самого, возьмѣте,
„Менѣ чорною китайкою очи завяжѣте,
„До шіи бѣлый камѣнь причепѣте (42),
„Да й у Чорнее море зопхнѣте!
„Нехай буду одинъ погибати,
„Козацького войська не збавляти!“
То козаки тее зачували, до Олексѣя Поповича промовляли:
„Ты-жъ святее письмо въ руки берешъ, читаешъ,
„Насъ простыхъ людей на все добре наставляешъ,
„Якъ-же найбольше одъ насъ на собѣ грѣховъ маешь?
— Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю,
А я все самъ недобре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрощенья зъ пан-отцемъ и зъ пани-маткою не бравъ,
И на свого старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдовъ хлѣба-й-соли безневинно збавлявъ (43'),
Дѣти малыи, вдовы старыи стремнямъ въ грудитовкавъ,

(41) Чиню, чинити — дѣлаю. (42) Причепити — прицѣпить; чепъ, ланцюгъ — цѣпь. (43') Збавляти — лишать, убавлять.

Безпе́чне по у́лицямъ коне́мъ гуля́въ,
Проти́въ це́ркви, до́му Бо́жого проѣзжа́въ,
Ша́пки зъ себе́ не зни̂ма́въ, хреста́ на се́бе не кла́въ.
За те́ я, пано́ве, вели́кій грѣхъ ма́ю, тепе́ръ по-
гиба́ю!
Не е́сть се, пано́ве, по Чо́рному мо́рю хви́ля встава́е,
А е́сть се — мене́ отце́вська й матери́нська моли́т-
ва кара́е!
Коли́бъ мене́ ся́я хуртови́на зла́я въ мо́рѣ не втопи́ла,
Одъ сме́рти̂ моли́тва борони́ла:
То зна́въ бы я отця́ й ма́те̂ръ шанова́ти, поважа́ти,
То зна́въ бы я ста́ршого бра́та за ро̂дного отця́
почита́ти,
И сестру́ ро̂дне́ньку за не́ньку (44) у се́бе ма́ти!“ —
То якъ ста́въ попо́вичъ Олексі́й грѣхи́ свои́
сповѣда́ти,
То ста́ла зла́я хуртови́на по Чо́рному мо́рю сти-
ха́ти,
Су́дна коза́цьки̂ до-горы́ (44′) якъ рука́ми по̂до̂йма́ла,
До Те́нтрева о́строва прибива́ла.
То всѣ тогди̂ козаки́ ди́вомъ дивова́ли,
Що по яко́му Чо́рному мо́рю, по бы́строи хви́лѣ
потопа́ли,
А ни̂ одного́ козака́ зъ-межы́ во̂йська не втеря́ли! —
Отъ-же тогди̂ Олексѣй Попо́вичь изъ су́дна выхожа́е,
Бере́ святе́е письмо́ въ ру́ки, чита́е,
Усѣхъ про́стыхъ люде́й на все до́бре науча́е, до
козако̂въ промовля́е:

(44) Не́ня, не́нька — родимая, матушка. (44′) До-
горы́ — вверхъ.

„От-тымъ-бы то, панове, треба людей поважати,
„Пан-отця й пани-матку добре шановати;
„Бо который чоловѣкъ тее уробляе (45),
„Повѣкъ той счастье собѣ мае,
„Смертельный мечъ того минае:
„Отцёва й матчина молитва зо дна моря выймае,
„Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одкупляе,
„На полѣ й на морѣ на помочъ помагае!

---

(45) Роблю, робити — дѣлаю, дѣлать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Уже́ бо, братіе, не веселая година встала: встала обида въ силахъ Дажь-божа внука ... Ваю храбрая сердца́ въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ бу́ести закалена ... Мужаимъся сами! преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, братіе, ста́ру помолодѣти? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!
... Луце-жъ бы потяту быти, неже полонену быти!

Пѣснь Игорю.

Д. — **гетьманщиною** называлась Украйна отъ своихъ вождей, кои именовались **гетьманами**, по примѣру вождей Литовскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедиманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла*, *Carolus*; *Цесарь* отъ великаго *Цезаря*; *Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время отлучки Гетьмана изъ Резиденціи поставлялся въ Украйнѣ **наказный гетьманъ**; а въ отсутствіе съ поля битвы, власть его принималъ **гетьманъ напольный**.

Е. — **московщиною** называлась Великая Россія, Московія; **шведчиною** Швеція; **волощиною** Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ **туретчина**, **татарщина**; **бѣлгородщиною** называлась Татарская сторона между Днѣпромъ и Днѣстромъ; **полѣсьемъ** — Бѣлостокская область; **подольемъ** — Подолія; **покутьемъ** — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія относится къ 1596 году, когда Гетьманъ *Павелъ Наливайко* разбилъ Жолкевскаго при Чигринѣ. По Лѣтописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Ка́невомъ козацкіе старшины: *Богунъ*, *Сутичъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Со́мино*), и *Войновичъ;* а Наливайко выставилъ такую надпись: *Миръ Христіянству*, *а на зачинщика Богъ и Его Крестъ*.

Ой у на́шôй у сла́внôй Украинѣ
Бува́ли колі-сь (46) престра́шныи злыгоднî, бездо́льнî годи́ны;
Бува́ли й мо́ры й вôйсковî чва́ры; (47)
Нîхто́ Вкраинцѐвъ не ратова́въ; (48)
Нîхто́ за îхъ Бо́говî молитвъ не посыла́въ;
То̂льки Святый Бо́гъ на́шихъ не забува́въ,
На великî зуси́лья, на во̂дповѐдья держа́въ.
То̂лькî Бо́гъ святый зна́въ, що во̂нъ ду́мавъ, гада́въ, замышля́въ,
Якъ незго́дины на Украинську землю́ посыла́въ.
Отъ-же й пройшлі́, изо̂йшлі́ злыи незго́дины:
Нема́е нîко́го, що-бъ на́съ подолѐли!
То̂льки Бо́гъ Святый зна́въ
Що во̂нъ ду́мавъ, гада́въ, замышля́въ . . .

(46) Когда-то. (47) Чва́ра — гроза. (48) Ратова́ти, рато́ва́ти — избавлять, спасать.

Не де́нь и не два́ Ляхи́ Украйну плі́ндрова́ли,
Ни на часи́ночку одпочи́нья не ма́ли,
Ко́ней на-вза́водахъ день и но̂чь держа́ли,
До Ге́тьмана Налива́йка доро́гу верста́ли.
А Гетьма́нъ хоро́брый Налива́йко — що́ во̂нъ ду́мае
гада́е?
Що́ во̂нъ за до́лю това́ришо̂въ свои́хъ замышля́е?
То̂льки Богъ Святый зна́е, що ёму́ на по́мо̂чь
помага́е!...
Изъ-за горы́ хма́ра выступа́е — выступа́е, выхожа́е,
До Чигрина́ гро́момъ вигре̂мля́е,
На Украи́нську зе́млю бли́скавкою блиска́е.
То Поляки́ черезъ три рѣки́ при перехо́ды ма́ли,
Да й би́ля́ тре́тёго перехо́ду ста́номъ спа́ли;
Пусти́ли ко́ней на попаса́нье,
Сами́ собѣ́ дали́ на три годи́ны одпочива́нье. —
А що́ Ге́тьманъ Налива́йко ду́мае, гада́е?
Що во̂нъ на незго́ду Ляхо̂въ замышля́е?
То̂льки Бо́гъ тее зна́е, що ёму́ на по́мо̂чь помага́е! —
То не хма́ры по не́бу гро́момъ святы́мъ выгре̂м-
ля́ютъ,
То не святы́хъ воны́ до Бо́га проважа́ютъ:
То Ляхи́ у бу́бны вдаря́ютъ,
У свистѣ́лки да у тру́бы выграва́ютъ,
Усѣ́ во̂йсько свое́ до-ку́пы у грома́ду склика́ютъ,
Що-бъ ишли́ усѣ́ до грома́ды на послуха́нье,
Слу́хати Ге́тьмана Жовко́вського одповѣда́нье.
Отъ-то й прі́йшли́ усѣ́, ря́домъ стали,
Усѣ́ ря́домъ ста́ли, да й замовча́ли,
Ге́тьма́нське отповѣ́данье слуха́ти зача́ли;
А послу́хавши, ко́ней сѣдла́ли,

Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали:
Мосты мостили, греблѣ гатили, колья забивали,
Горзину да дряницю клали,
Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;
А, перейшовши, огороды да шанцѣ робили,
У-въ окрѣпъ гарматы (50) становили,
А по-передъ гарматами три хресты вколотили.
А що первый хрестъ, то Сомино виситъ —
Сомино виситъ, барзо голоситъ;
А що другій хрестъ, Богунъ виситъ —
Богунъ виситъ, шаблюкою лопотитъ;
А що третій хрестъ, то порожній стоитъ,
Усѣхъ иншихъ козаковъ до себе поджидае, —
Козаковъ поджидае, козаковъ оглядае:
Хто первый подойде, того гармата убье;
Хто другій добѣжитъ, того самопалъ (51) цапне;
Хто третій подлетитъ, той хреститься буде, —
Хреститься буде, й молиться стане;
Що хрестъ зъ осоки — то его надбане!...
А козаки глядѣли, у вочѣ вбачали,
Про-мѣжъ себе бурковали, раховали,
Три корогвы на забаченье Ляхамъ становили,
На корогвахъ уговоръ-рядну писали:
„Вѣрному православному Христіянсьтву миромъ миръ;
А Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ.
Въ кого хрестъ — на того й Хрестъ!" —
Отъ-се-жъ и пойшли наши на чотырѣ поля
Що на чотыри поля, а на пятое на Подолье;

(50) Гармата — пушка. (51). Самопалъ — ружье.

Ляхо̂въ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ колотили;
Ляхи опрощенья просили, да не допросились:
Не тако̂вськи козаки, що-бъ опрощенье дали,
Не тако̂вськи й Ляхи, що-бъ напасть забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про-мѣжъ святыхъ чувала;
Що вона кувала, тому й бути-стати, —
Якъ стануть бѣсы правыхъ й неправыхъ ѣднати,
Души забирати, у пекло до-купы складати.
Во̂дъ того й сего, одъ иного чого Боже намъ поможе.
Про те во̂нъ и знае, що во̂нъ думае, гадае,
Що Павлові Наливайкові да на помо̂чь помагае.
Не намъ про тее, за тее рахова̀ти:
Наше дѣло Богові молиться,
Спасителю хреститься!

ПЕРЕВОДЪ.

Какъ въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшные злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитвъ не возсылалъ; а только Святый Богъ нашихъ не забывалъ, для великихъ усилій, для отвѣта (врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святый зналъ, что Онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодья на Украинскую землю посылалъ!

Вотъ и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ никого ктобъ одолѣлъ насъ! только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли отдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гетьману Наливайку дорогу держали.

А Гетьманъ храбрый Наливайко — что́ онъ думаетъ, гадаетъ? что́ онъ на долю товарищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы туча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки́, черезъ три рѣки́ шли три перехода; а возлѣ третьяго перехода стали станомъ, пустили коней на паству, а себѣ дали отдыха на три часа.

А что́ Гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? — что́ онъ на невзгодье Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Святый то знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не Святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свисткахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ шли въ громаду на послу́шанье, слушать отповѣдь Гетьмана Жолкевскаго. — Вотъ и пришли; всѣ рядомъ стали, — рядомъ стали и замолчали. Гетьманскую отповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую-рѣчьку большой переходъ держали: мосты мостили, гати гати́ли, вбивали колья, клали хворостъ и дрань, — черезъ Бѣлую-рѣчьку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, ставили пушки въ окрѣпѣ, а передъ пушками три креста вколотили. А что первой крестъ — то *Со́мино* виситъ, — Сомино виситъ, громко голоси́тъ. А что другой крестъ, то *Богунъ* виситъ — Богунъ виситъ, саблею стучитъ.

А что третій крестъ, то порожній стоитъ, — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ, козаковъ поджидаетъ, козаковъ оглядаетъ. Кто первый подойдетъ, того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ хватитъ; а кто третій подлетитъ, тотъ креститься будетъ, креститься будетъ молиться станетъ: крестъ изъ осоки—его участь!.. А козаки глядѣли, своими очами видѣли, про-между себя переговаривались, судили; — три хоругви на видъ Ляхамъ становили, на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали: *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ, а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ. У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Вотъ и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое на Подолье; — Ляховъ на всѣ стороны окрестъ себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковскіе козаки, чтобъ прощенье дали! не таковскіе и Ляхи, чтобъ напасть забыли.

Будетъ и нашимъ бѣда, какъ кукушка куковала. Что она куковала, то она промежъ Святыхъ слыхала! что она куковала, тому и быть-стать: какъ станутъ бѣсы правыхъ и неправыхъ единить, сбирать души и въ аду въ кучу валить. Отъ того и сего, и другаго чего — да спасетъ насъ Богъ! Про то Онъ и знаетъ, что Онъ думаетъ, гадаетъ, что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ! Не намъ о томъ и про то судить. Наше дѣло Богу молиться, къ Спасителю креститься!

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ сдѣланы по списку, полученному мною отъ Г. Срезневскаго.

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представленъ идущимъ чрезъ поле битвы, усѣянное трупами, я не знаю по Исторіи. — Подъ именемъ *Степана Кукурузы* здѣсь разумѣется, я думаю, *Степанъ Остраница*, который послѣ побѣды своей захваченъ ночью въ Ка́невскомъ монастырѣ и въ Варшавѣ колесованъ. *Карпо́ По́втора-Кожуха*, бывшій послѣ Остраницы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горѣлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пôшли́ козаки́ на чоты́рѝ по́ля,
Що на чоты́рѝ по́ля, а на пяте на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ — то пôшо́въ Самко́ Мушке́тъ,
А за Па́номъ Хору́нжимъ мало-ма́ло не прѝ тысячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцѝ.
На ко́никахъ выграва́ютъ, шабелька́ми блиска́ютъ,
у бу́бны вдаря́ютъ,
Бо́говѝ моли́твы посыла́ютъ, хресты́ поклада́ютъ.

А Самко́ Мушке́тъ — то во̂нъ на коню́ да й не выграва́е,
Коня́ удержу́е, до се́бе притягу́е, ду́мае, гада́е.
Да що́-бъ сто чорто̂въ ли́хомъ вбили ту его́ ду́му, що гада́нье! —
Самко́ Мушке́тъ ду́мае, гада́е, слова́ми промовля́е:
— „А що́, якъ на́ше коза́чество, мовъ у пе́клй, Ляхи́ спа́лять,
Да зъ на́шихъ коза́цькихъ косте́й пиръ собѣ́ на похмѣ́лья зва́рять! . . .
А що́, якъ на́ши го́ловы коза́цьки по степу́-по́лю поля́жуть,
Да ще́ й ро̂дною кро́вью вмы́ются,
Поперероско́лотыми шабля́ми покры́ються! . . .
Пропаде́, мовъ порошина зъ ду́ла, та́я коза́цькая сла́ва,
Що по всёму́ свѣ́ту дыбомъ ста́ла,
Що по всёму́ свѣ́ту сте́помъ розлягла́сь, простягла́сь,
Да по всёму́ свѣ́ту луго́вымъ го́мо̂номъ роздала́сь,
Туре́ччинѣ да Тата́рщинѣ до́брымъ ли́хомъ зна́ти дала́сь,
Да й Ляха́мъ-ворога́мъ на спи́съ оддала́сь!“ . . .

Закря́че во́ронъ сте́помъ летю́чи,
Запла́че зозу́ля лу́гомъ скачу́чи,
Заку́ркують кречѐты сиа̂й,
Загада́ються о́рлики хижѝ —
Да все́, усе́ по своихъ брата́хъ,
По бу́йныхъ това́ришахъ козака́хъ! . . .
Чи то́ ихъ зга́рбомъ занесло́?
Чи то́ ихъ у пе́клѣ потону́ло?

Що невидко чубатыхъ, не то по степахъ, не то
й по лугахъ,
Не то й по Татарськихъ земляхъ, не то й по
Турецькихъ горахъ,
Не то й по Чорныхъ моряхъ, не то й по Ляцькихъ
поляхъ? . . .
Закряче воронъ, загрує, зашумує,
Да й полетить у чужую з'млю. . . .
Анъ-ба! костки лежать, шаблюки сторчать;
Костки хрустять, шаблюки поперероскoлонѝ
бряжчять! . . .
А чорна, сива сорока зоскалилась да й басує!
А що головы козацькѝ — то мовъ Швець-Семенъ (52)
шкуру загубивъ (53),
А що чубы — мовъ чортяка джгуты поробивъ: —
У кровѝ усѣ, да й позасыхали —
От-то й славы набрали! . . .

═══

Ой пошли козаки на чотырѝ шляхи,
Да на чотырѝ шляхи, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ — то пошовъ Самко Мушкетъ,
А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
Сизою голубкою голову свою буйную до-долу (54)
закинувъ!

(52) Въ Украйнѣ былъ какой-то знаменитый *Семенъ Швецъ* (сапожникъ), вошедшій въ поговорку. Говорится, на пр. онъ его смялъ, *мовъ Швець-Семенъ шкуру*. (53) — Потерялъ. (54) До-долу — внизъ, на-полъ.

А за нимъ идуть мало-мало не три тысячи,
Усе хоробрыи товариши Запорозьцѣ,
На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
у бубны вдаряють,
Богови молитвы посылають, хресты покладають,
До Стецька Кукурузы ось-такъ (55) промовляють:
— Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
Чи ты вмеръ, що твою головоньку дубомъ до-долу
пришибло?
Рахованье (56) — не въ поминанье!
Коли-жъ небудь треба (57) да по насъ поминки
робити!
Що по насъ, Пане, старѣ бабы стануть у полѣ
свистѣти,
А по тобѣ, Пане, молодыи дѣвчата зачнуть голосити!
— „Да те все однако,
Що Якимъ, що Яковъ!
Ось, якъ пристанемо до пятого яра,
То хочъ и середъ лѣтечка — зашумить, загуде
не-дай-свѣта - чвара!
Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала,
Степомъ лепючи, лугомъ скачучи.
Що вона кувала, то правду казала;
Налѣтять орлы хижѣ, стануть жалковати;
А вороны налѣтять, да й стануть здобычи ждати й пôджидати.

(55) Ось — вотъ; - сь — частица то. (56) Раховати — считать, разсуждать. Рахованье — размышленье. Рахунокъ — разсчетъ. (57) Треба — надо, потребно.

То якъ налетять отъ-тѣ зозулѣ,
Що насъ не забули! . . .
Що жидъ, а що дѣдъ, а що й Запорозській козакъ! —

— Ой пошли козаки на чотырѣ шляхи,
Що на чотырѣ шляхи, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;
А другимъ полемъ, то пошовъ Стецько Кукуруза;
А третѣмъ полемъ, то пошовъ Карпо Повтора-Кожуха —
На конику выгравае, пѣсню спѣвае.
А за нимъ идуть мало-мало не три тысячи,
Усе хоробрыи товариши Запорозьцѣ:
На коникахъ выгравають, шабельками блискають, у бубны вдаряють,
Богові молитву посылають, кресты покладають.
А Карпо Панъ Гетьманъ на конику выгравае, пѣсьню спѣвае:

— „Пресучая та журба,
Мене изсушила,
Вона мене молодого
Изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ
Да й не поддаюся.
Ой пойду я до шинкарки,
Горѣлки напьюся. . .

Ой хто хо́че ме́ду пи́ти —
Ходе̑мъ до жидо̑вки!
А въ жидо̑вки чо́рни̑ бро̑вки,
Высо́ки по̑дко̑вки...

И ю́почка рябе́нька,
Й сама́ молоде́нька;
Да яка́я-жъ хоро́шая,
Яка́ чепурне́нька!

Шинкаро́чко моя́!
Насы́пь ме́ду й вина́,
Да що́-бъ моя́ голо́вонька
Веселе́нька була́!

— Коли́ ты жона́тый,
То иди́ до-до́му;
А а́къ нежона́ты́й,
То ночу́й зо мно́ю. —

Ой е́ въ ме́не й жо̑нка
И дѣ́точокъ дво́е:
Да не пригорта́ються,
Се́рденько мо́е!"

ПЕРЕВОДЪ.

Вотъ пошли козаки на четыре поля, — что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самко́ Мушке́тъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы — на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко́ Мушкетъ — онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ, — думаетъ гадаетъ. . . Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ гадаетъ, говоритъ словами:

„А что̀ какъ наше козачество, словно въ аду, *Ляхи* спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ? . . .

„А что̀ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются? . . . . Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, — что по всему свѣту степью розлеглась, протянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась? . . .

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Заку̀ркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ коза̀кахъ! . . . .

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячетъ воронъ, загру̀етъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семенъ шкуру потерялъ!

А чубы — словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли: то́-то и славы набрались!

═══

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко́ Мушкетъ, а другимъ полемъ *Степанъ Кукуруза;* какъ сизая голубка, свою буйную голову повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ поминки творить. Какъ по насъ, Пане! старыя бабы станутъ въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодыя дѣвицы зачнутъ голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта — зашумитъ, загудетъ не-приведи-Богъ-буря. . . Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, станутъ горевать; а во́роны налетятъ, станутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли... Что̀ жидъ, а что̀ дѣдъ, а что̀ и Запорожскій козакъ. . . .

═══

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—

то пошелъ Самко́ Мушкетъ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Полтора́ - Кожуха: на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню. А за нимъ идутъ мало - мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Карпо Панъ Гетьманъ (?) на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню:

Разсукина та тоска меня изсушила,
Она меня молодаго, она съ ногъ свалила.

А я той ужь тоскѣ да не поддаюся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горѣлки напьюся.

Ой кто хочетъ меду пить, пойдемъ до жидовки —
У жидовки чёрны бровки, высоки́ подковки,

Юпочка пестре́нька, сама молоденька —
Ужь и что́ за пригожа́я, то́-то удалая!

Шинкарочка моя! лей мнѣ меду, вина,
Да чтобъ моя головушка весе́ленька была!

„Коли ты женатый, то иди до дому;
Колижъ не женатый, то ночуй со мною!“

— Есть у меня жонка и дѣточекъ двое —
Да не приголубятся, серденько мило́е!

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира?*).

Въ семъ году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете: кто-же вамъ за себя стать воспрещаетъ?" Барабашъ скрылъ эту грамату; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Произшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительства сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостою былъ тогда *Кричевскій* (убитый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же старостою былъ Александръ Конецпольскій.

Въ стихѣ: *Кŷмомъ ёго́ до се́бе прохáвъ* — я выпустилъ слова: *до го́рода Чигринá*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до го́рода Черкáса*, въ другомъ стихѣ (*Чŷру сво́го посылáвъ*); а въ стихѣ: *днёмъ и но́чью изъ Чигринá поспѣшáвъ* — было въ спискѣ *до Чигринá*.

Изъ день-години (58),
Якъ стала тревога на Украинѣ.
То нихто не може обобрати (59)
За вѣру Христіянську одностайне (60) стати;
Только обобрались Барабашъ, да Хмельницкій,
да Климъ Бѣлоцерковській;
До Короля выступали, листовъ, Наверсаловъ (61)
прохали,
То Король Наверсалы писавъ,
Самому Барабашу до рукъ подававъ;
А Барабашъ листы якъ взявъ,
Три годы козакамъ знати не дававъ.
То Хмельницкій тее догадавъ,
Кумомъ его до себе прохавъ, добре угощавъ.
А якъ ставъ Барабашъ на подпитку (62) гуляти,
Ставъ ему Хмельницкій казати:
„Годѣ (63) тобѣ, Пане куме, листы Королевськи
держати,
Дай менѣ хочъ прочитати!"
— „На що тобѣ, Пане куме, ихъ знати,
Мы дачи не даемъ,
Въ войсько Польске не йдемъ;
Не луччебъ намъ зъ Ляхами,
Мосцивыми (64) панами,
Мирно пробувати;
А нежъ пойти луговъ потирати, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обобратися — вызваться. (60) Одностайне — въ одну стаю, единодушно. (61) Ниверсалъ — Универсалъ. (62) На-подпитку — на-веселѣ. (63) Годѣ, буде — довольно, полно, будетъ! (64) Мосцивый — знатный, вельможный. (65) Нежели пойти луга тереть.

Своймъ тѣломъ комарôвъ годова́ти (66)?“
То Хмельни́цькій тée зачува́въ,
Ще лу́ччихъ напи́ткôвъ подава́въ.
То Бараба́шъ якъ упи́вся,
На лѐжку (67) спа́ти звали́вся.
Тогдû Хмельни́цькій ключи́ одбûра́въ,
Чу́ру сво́го́ до го́рода Чигрина́ посыла́въ,
Велѣ́въ ключи́ Па́ньѣ Бараба́шовôй пода́ти,
Листôвъ Королéвськихъ пита́ти.
То чу́ра до нéи прибува́е,
Слова́ми промовля́е:
„Панû Бараба́шова! твôй Па́нъ ставъ у на́съ гуля́ти,
А тобѣ́ велѣ́въ листы Королéвськû пода́ти.
„Де-сь (68) моему́ Па́новû лихомъ зануди́лось,
Що зъ Хмельни́цкимъ гуля́ти схотѣ́лось!
Пôйди́ въ глухôмъ кôнцѣ́ пôдъ ворôтьми́
Листы Королéвськû въ шкату́лѣ вôзьми́!“ —
То чу́ра ско́ро листы доста́въ,
День и нôчъ изъ Чигрина́ поспѣша́въ;
Ско́ро прибува́въ, само́му Хмельни́цькому листы пода́въ.
Тогди́ Бараба́шъ ра́но прочина́е (69),
У карма́ны погляда́е — ажъ ключôвъ нема́е.
Вôнъ старосту Кричéвського пробужа́е,

(66) Году́ю, годова́ти — кормить. (67) Лѐжко — кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-то), знать, вѣрно. — Лихомъ зануди́лось — бѣдою затосковалось. (69) Прочина́ти — просыпаться, очинаться.

Двома́ ко̂ньми ти́хо зъ двора́ вы́ѣзжа́е,
Ду́мае, гада́е,
Якъ Па́на Хмельни́цького до ру́къ прибра́ти,
Ляха́мъ отда́ти.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ той поры-времени, какъ началась тревога на Украинѣ, никого не вызовется, чтобы дружно стать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили грамать *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ грамоты, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и сталъ угощать. А какъ разгулялся Барабашъ на́-веселѣ, сталъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія грамоты держать, — дай мнѣ хоть прочитать!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? по́дати мы не даемъ, въ войско Польское не йдемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напитковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи Паньи Барабашевой и просить Королевскихъ грамать.

Пріѣхалъ къ ней чу́ра и говоритъ словами: „Панья Барабашева! твой Панъ остался у насъ гулять, а тебѣ велѣлъ достать Королевскія грамоты."

— Видно моему Пану больно встосковалось, что съ Хмельницкимъ гулять пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возьми въ шкатулкѣ Королевскія грамоты.

Чура тотчасъ досталъ грамоты; день и ночь спѣшилъ изъ Чигрина; скоро пріѣхалъ и подалъ грамоты самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманы, а ключей нѣтъ.

Будитъ онъ старосту Кричевскаго; тихо они на двухъ коняхъ выѣзжаютъ съ нимъ со двора; думаютъ, гадаютъ: какъ-бы прибрать къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдать Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Относится къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ низу Днѣпра́ тихій вѣтеръ вѣе, повѣва́е;
Вӧйсько коза́цьке въ похо́дъ выступа́е:
Тӧлько Бо́гъ Святы́й зна́е,
Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е!
Объ тӧмъ не зна́ли ни Со́тники,
Ни Ота́маны Курѐнныи, ни Полко́вники:

Тóльки Бóгъ Святый знáе,
Що Хмельницькій дýмае, гадáе!...
Якъ до Днѣстрá прибувáли;
Черéзъ трú перевóзы перепрáву мáли;
Самъ Хмельницькій наперéдъ-всѣхъ рушáвъ,
До Хóтіи (70) прибувáвъ, у стáршого Копитáна на квартырѣ стáвъ,
До Василя́ Молдáвського листы посылáвъ, словáми промовля́въ:
„Щó ты зо мнóю бýдешъ гадáти —
Чи бýдешъ биться,
Чи бýдешъ мириться;
Чи на примúрье бýдешъ пріймáти,
Чи слáвнои Волóщины половúну оддавáти?" —
То Васúлій Молдáвській тéе зачувáвъ,
До Потóцького листы посылáвъ, словáми промовля́въ:
— Гéтьмане Потóцькій,
Що въ тебе рóзумъ жôнóцькій!
Ты за дорогúми напиткáми, бенкéтами уганя́ешъ (71) —
Чôмъ ты Хмельницького не еднáешъ? (72)
Вже почáвъ вôнъ зéмлю кôньскими копытáми орáти,
Крóвъю Молдáвською поливáти! —
Тогдú Ляхú изъ гóрода изъ Сочáвы (73) утéкали,
Василю Молдáвському знáти давáли,

(70) Хóтія — гор. Хотинъ. (71) За бенкéтами уганя́ешъ — за пирами гоняешься. (72) Еднáти — склонять (на свою сторону), единить. (73) Въ Буковинѣ.

То Василій Молдавській до Яссъ прибуває,
Словами промовляє:
— Ой вы Яссы мои, Яссы!
Були есте барзо (74) красны,
Да вже не будете такі,
Якъ прійдуть козаки! —

То панъ Хмельницькій добре учинивъ: Польщу засмутивъ,
Волощину побѣдивъ, Гетьманщину звеселивъ.

Въ той часъ була честь, слава,
Войськовая справа!
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля подъ ноги топтала.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ низовья Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, — козацкое войско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Святый знаетъ что, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! — Не знали о томъ ни Сотники, ни Куренные Атаманы, ни Полковники. . . только Богъ Святый знаетъ что, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подъѣхали къ Днѣстру, переправлялися черезъ три перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ вступилъ онъ въ Хотинъ, остановился въ домѣ у старшаго Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому, и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Барзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по Малоросійски — дуже.

будешь биться или будешь мириться? или примешь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волощины?“

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Потоцкому и говорилъ словами: »Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами! что ты нейдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливать Молдавскою кровью!«

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, пріѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: »Яссы вы мои, Яссы! очень вы были красны! а ужъ не быть вамъ такими, какъ придутъ козаки!«

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетьманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топтала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг. 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гетьмана; онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см. *Бант. Кам.* ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю* Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Ивана Виговскаго;* а по словамъ Думы сей — Полковниковъ: Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или Лѣсницкаго), Кропивенскаго *Филона Чигая* (т. е. *Джед-*

жѣя или *Джеджелѣя*) и Кіевскаго *Волочая* (или *Адамовича*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захотѣли избрать 16-лѣтняго Гетьманича безталаннаго *Юрія.*

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій отлучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, потомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣннически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговській Москву.* — Обманы его вполнѣ открылись дѣйствительно чрезъ полтора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни Сотниковъ, ни Полковниковъ нема:
Часъ приходить умирати;
Нѣкому порады (75) дати.
Поклыкне вôнъ на Ивана Луговського
Писаря Войскового:
„Иванъ Луговскій,
Писарь Войсковый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы (76) пиши,
Щобъ Сотники, Полковники до мене прибували,
Хочъ мало пораду давали!“ —

(75) Порада — совѣтъ. (76) Листы — письма, грамоты.

То Ива́нъ Луго́вськiй
Пи́сарь Во̂йско́вый,
Ли́сты писа́въ,
До все̂хъ розсыла́въ.
То Со́тники, Полко́вники, якъ и̂хъ прочита́ли,
Усе́ покида́ли, до Ге́тьмана Хмельни́цького скоре̂йшь прибува́ли.
То Ге́тьманъ до́бре и̂хъ прийма́е,
Слова́ми промовля́е:
„Пано́ве молодцы̂! до́бре вы дба́йте,
Собе̂ Ге́тьмана наставля́йте;
Бо я ста́ръ, боле̂ю,
Бо̂льше Ге́тьманомъ не здоле̂ю! . . .
Коли́ хо́чете, Пано́ве, Анто́на Волочая́ Кiе́вського,
Або́ Грицька́ Костыря́ Миргоро́дського;
Або́ Фило́на Чичая́ Кропивья́нського;
Або́ Марты́на Пушкаря́ Полта́вського.“
То козаки́ тее зачува́ли, сму́тно себе́ ма́ли,
Тя́жко вздыха́ли, слова́ми промовля́ли:
— Не тре́ба намъ Анто́на Волочая́ Кiе́вського,
Ни Грицька́ Костыря́ Миргоро́дсько́го,
Ни Фило́на Чичая́ Кропивъя́нського,
Ни Марти́на Пушкаря́ Полтавського;
А хо́чемъ мы сына твого́ Юру́ся молодо́го,
Козака́ лестрово́го!
— „Во̂нъ, Пано́ве молодцы̂! молоды́й ро́зумъ ма́е,
Звыча́е̂въ коза́цькихъ не зна́е!“
Бу́демъ мы старыхъ людей би́ля (77) его́ держа́ти,

(77) Би́ля — подле̂, возле̂.

Будуть воны ёго научати, будемъ ёго добре поважати,
Тебе батька нашого, Гетьмана споминати! . . .
То Хмельницкій тее зачувавъ, великую радость собѣ мавъ,
Сѣдою головою поклонъ отдававъ, слёзы проливавъ.
Скоро после того ще й горше Хмельницкій знемогавъ,
Опрощенье зо всѣми пріймавъ,
Милосердому Богу душу оддавъ. —
То не чорнї хмары ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темномъ лузѣ бушували,
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали . . .
А молодый Юрусь подъ Бѣлою-Церквою гуляе,
Объ смерти отцевськой не знае,
Скоро лейтары до ёго прибували,
Листы подавали.
То Хмельниченко листы якъ прочитавъ,
Свѣта Божого не взвидавъ!

То не багато Луговській гетьмановавъ,
Повтора года булаву державъ.
Скоро Сотники, Полковники прибували,
Юруся Хмельниченка Гетьманомъ поставляли:
„Дай-же Боже! козаки промовляли:
За Гетьмана молодого
Жити якъ за старого,
Хлѣба, соли ёго вживати, (78)

(78) Вживати — употреблять (пищу или питья).

Города́ Туре́цькі̂ плі̂ндрова́ти (79),
Сла́вы, лыцарсьтва коза́цькому вốйську достава́ти!

ПЕРЕВОДЪ.

Запечалилась Хмельницкаго сѣдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сотниковъ, ни Полковниковъ; приходитъ смертный часъ, а совѣта дать нѣкому! — Говоритъ онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши грамоты, чтобы ѣхали ко мнѣ Сотники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣтовали!« — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь грамоты писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сотники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я старъ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хотите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Костыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго!"

Какъ услышали козаки, смутились они, тяжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Мартина Пушкаря Полтавскаго: а хотимъ мы твоего сына, молодаго Юрья, козака реестроваго."

(79) Плі̂ндрова́ти (съ Нѣм. *plündren*) — грабить, разорять.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держать при немъ старыхъ людей. Будутъ они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминать тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ сѣдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляетъ подъ Бѣлою-Церковью, не знаетъ о смерти отцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣта Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманствовалъ: держалъ булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, ставили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ жить какъ при старомъ! видѣть его хлѣбъ - соль, разорять Турецкіе города, доставать казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту̀ кроваваго вина не доста! ту пиръ докончаша храбрыи Русици, сваты попоиша, и сами полегоша за землю Руськую. Ни́чить трава жалоща́ми, а древо съ ту́гою къ земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давшій козакамъ устройство, раздѣлилъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекомапныхъ*.

выборные или реестровые (лестровыи) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — **охочекоманные** козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* (*) стали отходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Боплана.

И. — **компанѣйцами** назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьѣ. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

К. — **сердюками** назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его тѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

(*) **Посполитыми** назывался простой народъ *(рѣчь)*: тѣ изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не-групповые), назывались *сусѣдями* и *подсусѣдями*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНѢ КОНОВЧЕНКѢ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разбили ихъ подъ *Тягиномъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гетьмана *Куницкаго* (поставленнаго Собѣскимъ) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. Лѣтоп. Рубана). Корсунскій Полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близь *Корсуня*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долина* не толи-же что̀ и Черная долина? Городъ *Тягинъ* нынѣ селеніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингусьцомъ и городомъ Бериславлемъ (Кизикерманомъ,). Рѣчка *Тягинка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ Божіимъ* по тому повѣрью, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На сла̀вной Украйнѣ,
Усла̀вномъ го̀родѣ у Корсу̀нѣ
Клѝкне, поклѝкне Хвилонѐнко, Корсу̀нській Полко̀вникъ:
„Го̀дѣ вамъ, пано̀ве молодці̂! домова̀ти,
„Идѐте зо мно̀ю на Черкѐню-долѝну гуля̀ти,
„Сла̀вы лыца̀рьства коза̀цькому во̂йську достава̀ти!“

Отъ-тогдѣ по городамъ не музыки выгравали,
Осаулы войськовыи похожали,
Листы читали, козаковъ въ походъ выкликали:
А хто буде пан-отцёвого — промовляли —
Недѣлешнёго обѣда дожидати,
Той буде Хвилонёнка,
Корсунського Полковника,
Въ шести миляхъ доганяти! —

У городѣ у Черкасѣ жила вдова старенька,
Мала собѣ (80) сына Ивана вдовичёнка Коновчёнка.
Вона тее перше (81) ёго зачувала,
До господы (82) найскорѣйше прибувала,
Усѣ конѣ изъ господы позсылала,
Все оружье у комнату замыкала,
Къ дому Божому до церкви поспѣшала.
То Ивась одъ сна прочинае по хатѣ поглядае (83) —
Ажъ ни одной шаблѣ булатнои,
Пищалѣ семипъядноп
На стѣнѣ немае!
У станю (84) ухожае, а на станѣ ни одного коня
вороного.
Вонъ неньку стареньку биля церкви доганяе, словами промовляе:
„Не-добре ты, мати, згадала,
Що всѣ конѣ изъ господы позсылала,
Все оружье у комнату замыкала;
А лучче бъ ты, мати, зробила, (85)
До города Крылова одъѣздила,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услыхала. (82) Господа — домъ. (83) Пробуждается. (84) Стання — сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Сто злотыхъ жиду оландарю (86) давала;
У нарядѣ доброго коня куповала,
Мене молодого въ походъ знаряжала! —
„Маешъ ты чотыри волы чабаныи (87),
Два кони отцёвськи вороныи,
Можешъ добре у Черкасѣ поживатти,
Козаковъ на хлѣбъ, на соль закликати."
— Що менѣ съ того, що буду я добре поживатти,
Будуть мене козаки за хлѣбъ, за соль поважати!
Только будуть мене, мати,
На-подпитку, гречкосѣемъ, домонтаремъ (88) величати,
Коня мого приблудою называти.
И вже менѣ не честь, не подоба (89) по рольямъ (90) спотикати,
Жовтыхъ чоботъ каляти, (91)
Дорогіи сукни пыломъ (92) набивати!
А хочется менѣ, мати,
Пойти подъ городъ Тагиню гуляти,
Славы лыцарсьтва доставати! . . —
То тее промовлявъ,
У неньки старенькои благословенья бравъ,
Изъ дому отцёвського поспѣшавъ,
На Черкеню-долину зъ козаками прибувавъ.

Не ясенъ соколъ на долинѣ по табуру гуляе,
Не бѣлая лебедь спѣвае:

(86) Оландаръ — арендаторъ. (87) Чабаный — выхоженный. Чабанъ — пастухъ. (88) Домосѣдъ. (89) Приличіе. (90) Роля — борозда, пашня. (91) Пачкать. (92) Пылъ — Пыль.

Полко́вникъ Хвилоне́нко похожа́е,
Слова́ми промовля́е:
„Кото́рый-то, пано́ве молодцы̂, коза́къ доро́дный (93),
Ще й ко̂нь по̂дъ ни́мъ воздо́бный (94),
По̂йде за мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
Сла́вы лыца́рсьтва коза́цькому во̂йську достава́ти?"
То Ива́сь Коновче́нко тее зачува́въ,
Напере́дъ все́хъ благослове́нья прохавъ (95).
„Ты дити́на, Ива́сю, молода́! полко́вникъ промо-
влявъ —
Ни на по́лѣ, ни на мо́рѣ не бу́вало;
Сме́рти̂ біля́ се́бе не вида́ло,
Якъ звыча́и коза́цьки̂ по̂зна́ешъ,
Лу́чче тогди̂ погуля́ешъ."
— Не всѣ стари̂ пти́цы̂ высо́ко лѣта́ютъ,
Не всѣ стари̂ щу́ки карасе̂въ хапа́ютъ,
Трапля́ется (96), ба́тьку, що кря́чя́ (97) мале́е
Ло́витъ рыбку кра́сче нѣжъ старе́е. —
То Ива́сь тее промовля́въ,
Зъ Полко́вникомъ на доли́ну вы̂ѣзжа́въ,
Двана́дцать Тата́ръ пере́дъ ме́чъ прыня́въ,
Ше̂сть на арка́нъ звъяза́въ,
Хвилоне́нку гости́нця подава́въ.
То Полко́вникъ бусурма́но̂въ прині́ма́е,
Ива́ся Коновче́нка бі́ля́ се́бе сажа́е, сла́ву его́ вых-
валя́е.
То Ива́сь вели́кую ра́дость ма́е, слова́ми промовля́е:
„Благослови́ мене́, ба́тьку, оковиты (98) напи́ться,

(93) Способный (94) Удалый? (95) Просилъ. (96) Случается. (97) Крячокъ, утка. (98) Оковитая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣкаюсь съ бусурманами ще лучче побиться."
— Не велю я тобѣ, сыну, оковитои напивати,
Да итти съ бусурманами на долину гуляти;
Колижъ вже ты хочешъ ей напивати,
То велю въ моёмъ намётѣ лягти (99) спочивати. —
„Сей менѣ хмѣль не буде заважати (100),
А буде моему сердцю смѣлости додавати."

То не вихорь по Черкенѣ-долинѣ гуляе,
Не сизый орелъ ястребовъ ганяе,
Вдовиченко Коновченко на вороно̂мъ конѣ розъѣзжае,
Мечемъ своимъ якъ блискавка сяе,
Трёхъ Татаръ-яничаръ зъ коней збивае;
Тогди шаблю булатну опускае,
Козакамъ лыцарсьтво свое выхваляе,
Безпечне по долинѣ розъѣзжае,
Бусурмано̂въ на смѣхъ по̂до̂ймае.
То безбожнїи бусурманы тее зачували,
Напилого козака заразъ по̂знавали,
Бо̂льше ёму поля гуляти попускали,
Одъ табура козацького заразъ отбивали,
Гнѣвомъ Божіимъ, саранчою, на козака налѣтали,
Шаблями, пистолями смертныи раны даровали,
То̂лько коня козацького не по̂ймали. —
То добрый ко̂нь до табура прибѣгае,
По куренямъ гуляе, гострыми копытами землю копае,

(99) Лягаю, лягти — ложусь, лечь. (100) Тяготить. Вага — тяжесть.

Смутно ржучи, козака свого выкликае.
То Хвилоненко тее зачувавъ,
Изъ намêта свого выступавъ, словами промовлявъ:
„От-се вы, братці, недобре зробили,
Що напилого козака гуляти пустили,
Мовъ вы сами его зъ свѣта згубили.
Добре вы дбайте, оружье заправляйте,
Бусурманôвъ одъ тѣла козацького отбивайте,
Бо вже не-даромъ козацькій кôнь по табуру гуляе,
Мабуть Ивася Коновченка на свѣтѣ немае." —
То козаки тее зачували, на долину найскорѣйше поспѣшали,
Бусурманôвъ одъ тѣла козацького отбивали,
Шаблями, надôлками (101) суходôлъ копали,
Шапками, приполами перстъ выбірали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
Въ семипьядні пищалі гремали,
У суремки жалôбно выгравали,
Славу козацьку выхваляли. —

Скоро пôсля того стали козаки табуръ изнімати,
У городы христіяньскі уступати.
То вдова старенька
Мати Ивася Коновченка
Не у домѣ ся-мала,
На базарѣ солодкій медъ выставляла,
Сына свого Ивася Коновченка выглядала.
Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.

(101) Надôлокъ — заступъ?

Дру́га со́тня вступа́, самъ Хору́нжій попе́реду йде́,
Два козака́ коза́цького коня́ на повода́хъ веде́.
Вдова́ тее забача́ла,
Жалôбныи слова́ промовля́ла,
Сла́вы, сме́ртй сы́на свого́ пита́ла,
Всѣхъ козакôвъ на хлѣ́бъ, на сôль заклика́ла,
По́хороны и весе́лья Ива́сю отбува́ла,
Полко́внику коза́цького коня́ дарова́ла,
Старшйм шаблй, пищалй Ива́ся роздава́ла.

═══

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́,
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва не вмре́, не поля́же,
Лыца́рсьтво коза́цьке вся́кому розка́же!...

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2 й части сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковскаго, въ собраніи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что видно и по самому ея складу. Произшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣй былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣя сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей остались въ Малороссіи и пословицы: 1) Добувся якъ Шведъ пôдъ Пôлта́вою, 2) Не пивъ Полта́вськои воды́ (не испыталъ горя).

═══

Ой ты гадаешъ, Мазепо, ты гадаешъ измѣняти,
Ой ты хочешъ, ты хочешъ Царя одступати!
Ой ты гадаешъ, Мазепо, въ пень Москву рубати,
А самъ хочешъ да на столицѣ царемъ царствовати!

Ой що взмовитъ Гетьманъ Мазепа къ Палѣю Семену:
— Ой Палѣю, Палѣю Семене! чи не зрадишъ (102) ты мене?

„Ой якъ же я маю, Гетьмане Мазепо, тебе изражати,
„Коли ты будешъ, Гетьмане Мазепо, добре починати."
— Я думаю, Палѣю Семене! въ пень Москву рубати,
А самъ хочу да на столицѣ царемъ царствовати! —

„Впередъ-же ты будешъ, Гетьмане Мазепо, у стовба стояти (*),
А нежъ будешъ на столицѣ царемъ царствовати."

Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа якъ Палѣя зазвати;
Ой ставъ же, ставъ проклятый Мазепа на бенкетъ запрошати.

(102) Зражати — измѣнять (кому), предавать (кого). Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ столбу, было однимъ изъ позорнѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прїѣдь, прїѣдь, Палѣю Семене!
Да на бенкетъ до мене! —

Ой скоро Палѣенко Семенъ зъ своимъ войськомъ прїѣзжае,
Ой такъ скоро проклятый Мазепа чашу меду высылае.
Ой пье Палѣй, ой пье Семенъ да головоньку клонитъ,
А Мазепинъ чура Палѣю Семену кайданы готовитъ.
Ой пье Палѣй, ой пье Семенъ, изъ ногъ извалився,
Барзо тому Гетьманъ Мазепа стоя звеселився.
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свои гайдуки:
— Ой возьмѣте Палѣя Семена да у тѣсныи руки!—
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свои лейтары:
— Ой возьмѣте Палѣя Семена закуйте въ кайданы!
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свою вознúцю:
— Ой возьмѣте Палѣя Семена да вкиньте въ темницю!
Не давъ Гетьманъ Палѣю Семену ни пити на ѣсти,
Доколь не выславъ проклятый Мазепа на столицю листы.
— Отто-жъ тобѣ, промовляе, Царю! есть Палѣй измѣнникъ!
Вонъ тебе хоче вже одступати, въ пень Москву рубати,
А самъ хоче да на столицѣ царемъ царствовати. —

Обозветься Палѣй Семенъ зъ тѣмнои темницѣ:
„Бреше, бреше (103) проклятый Мазепа въ Царя на столицѣ!

(103) Брехати — лгать, лаять, лаяти — бранить.

Отже́-жъ тобѣ̀, да пра́ведный Царю́! самъ Ге́тьма́нъ измѣ́нникъ,
Во̂нъ тебе́ хо́че вже одступа́ти, въ пе́нь Москву́ руба́ти,
А самъ хо́че да на столи́цѣ царе́мъ царствова́ти."

Ой що взмо́вляшь мосци́вый паны́ до пра́ведна Царя́:
Выпуска́й ты, да пра́ведный Царю́, Палѣ́я зъ темни́цѣ̂,
А то бу́дуть бусурма́ны Шве́ды на твое́й столи́цѣ.

Да ще́ хмѣ́ль, да ще́ зелене́нькій на тычи́ну не зви́вся,
А вже́ Палѣ́й по̂дъ Полта́вою изъ Шве́домъ поби́вся.
Да ще́ хмѣ́ль, да ще́ зелене́нькій голово́къ не зхиливъ,
А вже́ Палѣ́й по̂дъ Полта́вою и Шведо̂въ поби́въ.
Ой кли́кне, покли́кне да Коро́ль Шве́дській, на гарма́тѣ сто́я:
„Втѣ̂ка́ймо скорѣ́йшь, Ге́тьмане Мазе́по, зъ Полта́вського по́ля!" —
Тогдѣ̂ воны́ утѣ̂ка́ли усѣ̀ зъ-по̂дъ По̂лта́вы. . .
Богда́й воны́ не до̂жда́ли би́ться зъ козака́ми!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДУМА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТЪѢЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомо́нъ гомо́нъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Литовскими пѣснями, и между Рускими (*Отецъ на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю ра́но-пора́но не у всѣ дзво́ны (104) дзвони́ли,
Якъ у вдо́винôмъ дому́ гомонѣли.
Лихі́й вôтчимъ коза́ченька молодо́го лáе,
Ма́ти сы́ну слêзно промовля́е:
Иди́ ты, сы́ну, мêжъ чужіи лю́де,
Чи не лу́чче тобѣ́ на чужинѣ́ бу́де?
Неха́й (104′) тебе́ чужі́й ба́тько, сы́ночку, не лáе,
Сча́стя твого́ коза́цького на-вѣ́къ не збавля́е!
   Тя́жко, тя́жко менѣ́ тебе
   Зъ до́му одправля́ти,
   А ще́ тя́жче біля́ се́бе
   Въ знего́дьи держа́ти!
   Хочъ пôйдешъ ты на чужи́ну —
   Слёзы менѣ́ лити;
   Хочъ зоста́влю тебе́, сы́ну —
   По всякъ ча́съ тужи́ти! . . .

(104) Дзвôнъ — колоколъ. (104′) Неха́й, хай — пусть, не-замай (въ Библіи — небрани).

То ста́ршая сестра́ коне́нька выво́дить;
Що найменша рыда́е,
Слова́ми промовля́е:
Изъ яко́и тебе́, бра́те,
Староно́ньки ждáти?
Чи одъ чи́стого поля,
Чи одъ Чо́рного мо́ря,
Чи одъ сла́вного Запоро́зья?

„Возьми́ ты, се́стро, жо́втого пѣску́,
Да посѣ́й ты, се́стро, на бѣ́лому ка́мнѣ:
Коли́ бу́де жо́втый пѣсо́къ выроста́ти,
Зеле́нымъ барвӣнкомъ ка́мѣнь устила́ти!
Въ той ча́съ бу́ду, се́стро, до ва́съ прибува́ти!
Бо якъ тя́жко на безво̂дьи ры́бѣ пробува́ти,
Такъ тя́жко на чужинѣ́ безро̂дному прожива́ти!“

То те́е промовля́въ, на коня́ сѣда́въ, опроще́нье
прі́ймавъ,
Сму́тно зъ двора́ отце́вськоro коза́къ выѣзжа́въ.
До́вго воны́ на моги́лѣ край села́ стоя́ли:
До́вго, до́вго коза́ченька во̂чьми провaжа́ли, —
А ще до́вше воны́ ёго́ до́ма оплака́ли.

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

Не си́за зозу́ленька въ те́мнôмъ лу́зѣ кува́ла,
Не дрôбная пта́шка въ садку́ щебета́ла,
Сестра́ зъ бра́томъ изъ-дале́ка розмовля́ла,
Покло́нъ посыла́ла:
„Бра́тику мôй ми́лый,
Якъ голу́бонько си́зый!
Прійди́ до ме́не изъ чужо́и стороны́,
Посѣти́ мене́ при лихôй годинѣ́!“
—Се́стро моя́ рôдне́нька,
Якъ голу́бонька сизе́нька!
Якъ я ма́ю прибува́ти,
Тебе́ навѣща́ти,
За те́мными за лѣса́ми,
За да́льными за степа́ми,
За быстрыми за вода́ми? . . .

„Че́резъ те́мный лѣ́съ я́снымъ со́коломъ лети́,
Че́резъ быстрыи во́ды бѣ́лымъ ле́бедемъ плыви́,
Че́резъ степы́ дале́кіи перепе́лочкомъ бѣжи́,
На моёмъ, бра́те, подвôрьѣ́ ты голубо́нькомъ пади́,
До́бре сло́во взговори́,
Мо́е се́рдце сиро́тськее звесели́!
Чужі́, бра́те, се́стры зъ до́му Бо́жого иду́ть,
Всѣ́ якъ бчôлочки (105) гуду́ть,

(105) Бчола́ или бджола́ — пчела.

На хлѣ́бъ, на со̂ль людей заклика́ютъ,
Мене́-жъ, бра́те, сло́вомъ не займа́ютъ,
Мовъ въ во̂чѝ не зна́ютъ . . .
А якъ коли́-сь зъ на́ми хлѣбъ-со̂ль поважа́ли,
Въ той ча́съ кума́ми, побрата́ми зва́ли;
А якъ присти́гла несча́стна годи́на —
Назва́на и кро̂вна одрекла́сь роди́на. . ."

КНИГА ВТОРАЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина́, то и дѣянье:
Синему морю на ути́шенье,
Быстрымъ рѣка́мъ слава до́ моря,
А добрымъ людямъ на послу́шанье,
Веселы́мъ мо́лодцамъ на погу́дочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Л. — **Гайдамаками** сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга; а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *бродники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичь и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *гáйда* — пошёлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *гáйда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — **Кравчи́на**: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шитьемъ *кожуховъ* (тулуповъ), былъ *кравéць* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ противниковъ, что̀ и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

ВВЕДЕНІЕ.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—38) отдалило слишкомъ на 4 века *Южно-Русскую* или просто *Руськую землю,* т. е. *Украину,* отъ ея родственнаго союза съ *Северно-Русскими* Княженіями, съ коими она составляла древній періодъ нашей Исторіи, и потомъ вместе съ ними сто летъ влачила тяготу ярма Татарскаго. — Въ то время развивалась на Западе другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ *у поганой Татарвы,* и Украиною овладела *Литва беззаконная,* водившая храбрыхъ *Русичей* на Татаръ и на *Крижаковъ.* Потомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (Pacta Conventa, 1434); но въ последствіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина вместе съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, punctum saliens *Великой Россіи;* и между темъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крепилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Юге зачиналось *Козачество,* которое, подобно летучей комете, вспыхнувъ на Украине, грозно пронеслось въ міре, огневою чертою означило следъ свой въ Исторіи, и — приставъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внешніе набеги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ составленію *Козачества* за Порогами Днепровскими — тамъ, где воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнездомъ, где роилась дружная, отважная, холостая ватага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матери, ибо для нея была *Сечь мати, а великій Лугъ батько.* Козаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы и добычи, и всякой выходецъ — ктобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ ихъ*.

Двѣ стихіи сіи, т. е. *Азіятски-наѣздническая* и *Греко-христіянская*, глубоко приняты были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣздническій воспитали въ немъ непрестанныя схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіянство и *письменство*. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоитъ въ угрюмой, столь способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Руское* море, и въ *грустномъ безпечьи*, къ коему расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ — *Земля Руськая, Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Червленную *(Красную) Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Руськимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Рускому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской Поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никон. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1239) „лѣта Батый нача посылати рать на грады Руские, и взятa „градъ *Переяславль Руский* иже въ *Кіевѣ*.“ Переяславъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ отличіе отъ Переяславля Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Былевыя пѣсни

о временахъ козачества доуніатскихъ.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва — не вмре́, не поля́же,
Лы́царсьтво коза́цьке вся́кому розка́же! . .

Дума X.

Замѣчаніе I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхетное.* — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣздника*, сталъ называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ лѣтописи — на Украинѣ было столько, сколько и людей: „речетъ старшій слово, абіе войска числомъ аки трава „будетъ!" — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* представляло собою *рыцарство Восточное*, *народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичь* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками *Венжикъ* (*Венцеславъ*) *Хмельницкій*, *Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *той бѣ Слава дней своихъ*! Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Баторія (или *Батыря*) получилъ титулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонтѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гетьмана, послѣдовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ того́ Па́на Ива́на,
Що Свѣрго́вського Гетьма́на,
Да я́къ бусурма́ны по̂йма́ли:
То го́лову ёму́ руба́ли,
Ой го́лову ёму́ руба́ли,
Да на бунчу́къ вѣша́ли,
Да у су́рмы выграва́ли,
Зъ ёго глумова́ли.

А изъ ни́зу хма́ра спяга́ла,
Що во́роно̂въ клю́ча набѣга́ла,
По Укра́инѣ тума́ны кла́ла;
А Укра́ина сумова́ла (106) —
Ой Укра́ина сумова́ла,
Свого́ Ге́тьмана оплака́ла.

Тоди̂ бу́йни̂ вѣ́тры завыва́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана сподѣва́ли?

Тоди̂ кре́четы налѣ̂та́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана жалкова́ли?

(106) Сумова́ти — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Старины кн. I. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, надѣясь дополнить ихъ при помощи моихъ читателей.

Тодй орлы загомонѣли (107).
— Де-жъ вы нашого Гетьмана зхоронили?

Тодй жайворонки повилися.
— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ простилися?

У глыбокой у могилѣ,
Биля города биля Килiи,
На Турецькой линѣи!

Переводъ.

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; то рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья тянулась туча, набѣгала что стая воронов, и стлала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гетьмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда налетали кречеты . . . Гдѣ вы тужили по нашемъ Гетьманѣ? — Тогда закричали орлы.... Гдѣ вы схоронили нашего Гетьмана? — Тогда повились жаворонки . . . . Гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетьманомъ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Килiи, на Турецкой линiи.

(107) Гомонъ — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у городѣ у Черкасѣ сурмы засурмили,
Якъ тѣ Ляшськӣ комисары до Гетьмана приходили.

Ой у городѣ у Черкасѣ бубны заорали,
Якъ тѣ Ляшськӣ комисары до Гетьмана прибували.

Ой заржали конӣ, конӣ, да пôдъ гору йдучи,
Заголосили бусурманы до Килiи ѣдучи.

Отъ, якъ панъ Свѣрговськiй до Килiи прибувавъ,
Усѣхъ козакôвъ збиравъ, да на Радѣ прохавъ.

Сизымъ орликомъ лѣтавъ, яворонькомъ гнувся:
— Де-сь то я, мои милы братья, да й сподѣнуся?

Сподѣнувся панъ Свѣрговськiй у сырôй могилѣ,
Якъ козаки биля ёго да загомонѣли!

3.

Ой панъ пышный, панъ Свѣрговськiй,
А ще другiй панъ Зборовськiй,
А ще третӣй Морозенко,
А четвертый панъ Горленко.

Що зъ Волохами Турокъ дереться
А зъ Татарами Волохъ бьется.
Да Волоськӣ землӣ руйнують,
Плӣндрують ще й не милують.

Не то батенько сына прощавъ
Шаблю да зброю дававъ;
А то мати сына выпровожала —
Що слёзьми опрощенье давала,
Що на горе собѣ ёго выгодовала.

4.

Пла́кала стара́ ба́ба Грициха,
Мо́въ перепели́ха, мо́въ перепели́ха.

Молода́ сестра́ со́нъ-траву́ (108) ирва́ла,
Стару́ю пыта́ла, стару́ю пыта́ла:

— Чи той со́нъ-трава́ коза́цькая си́ла?
Чи той со́нъ-трава́ коза́цька моги́ла?

„Ой той со́нъ-трава́, голу́бонько, зрости́вся у по́лѣ,
Да пойма́ла ту траву́ недо́ля, да дала́ моеи до́нѣ.

Ой до́ню-жъ, до́ню, моя́ до́ню! го́дѣ сумова́ти,
Що на́шого молодо́го Йва́на въ моги́лѣ шука́ти! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗЕ́НКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ: и только основываясь на семъ, я помѣщаю здѣсь пѣсни объ этомъ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Исторіи Морозенко мнѣ неизвѣстенъ.

5.

Ой Моро́зе, Морозе́нку, ты сла́вный коза́че!
За тобо́ю Морозе́нкомъ Украйна пла́че.

(108) Эта могильная *сонъ-трава*, разцвѣтающая весною, принадлежитъ къ роду Анемона (Anemone patens). — Анемоны, по Греч. Миѳ., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ-травѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́ти — искать.

Не такъ тая Украина якъ те горде войсько . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годѣ, годѣ, Морозихо, по сынѣ тужити;
Ходѣмъ зъ нами козаками меду, вина пити!

„Чого-сь менѣ, милы братья, медъ, вино не пьется:
Ой де-сь то мой Морозенко да вже зъ Туркомъ бьется!

Отъ, зъ-за горы, изъ-за кручи (111) горде войсько выступае—
По-сам-передъ Морозенко сивымъ конемъ выграває.

Склонивъ-же вôнъ головоньку своему коню на гривоньку:
— Бѣдна-жъ моя головонька! се чужая стороонька! (*) —

А въ нашого Морозенка червоная строчка (112):
Де проѣде Морозенко — кровавая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ покопаны шанцû . . .
Взяли, взяли Морозенка въ недѣленьку вранцѣ.

Посадили Морозенка на тесовомъ стольцѣ:
Зняли, зняли зъ Морозенка зъ черешôвъ (113) червоньцû.

Посадили Морозенка на жовтôмъ пѣсочку:
Зняли, зняли зъ Морозенка кроваву сорочку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ города, знач. еще и рынокъ; мѣсце — место. Городъ — огородъ. (111) Круча — крутизна. (112) Строчка — лента узкая и строчка. (113) Черешъ, черешокъ — черезъ, въ коемъ носили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей куплетъ встрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одномъ изъ пяти варіянтовъ сей пѣсни Морозенко представленъ Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — *зъ Ляшеньками бьется*, и конецъ пѣсни такой:

Воны́-жъ ёго́ а ни би́ли, ни въ чве́ртѝ руба́ли, (115)
Тôльки зъ ёго́ молодо́го живце́мъ се́рдце взя́ли.

6.

Въ недѣленьку ране́сенько, да ще́ до схо́дъ со́нця,
Ой пла́кала Моро́зиха, си́дя у вôко́нця.

Морозе́нко коза́ченько якъ ма́къ розпука́вся,
Морозе́нко коза́ченько въ нево́лю попа́вся! —

— Продава́йже, мату́сенько, волы́ да коро́вы,
Да выкупля́й свого́ сына зъ тя́жкои нево́ли!

Продава́й же, мату́сенько, быќи да тели́цѝ,
Да выкупля́й свого́ сына зъ сыро́и темни́цѝ.

Не ла́й мене́, мату́сенько, грôзными слова́ми,
Схамене́шся й обôлье́шся дрôбными слёзами....

Да вяжи́, вра́жа Татарю́го, наза́дъ ру́ки сту́га,
Бу́де на ва́съ, коза́ченьки, вели́ка попу́га (116)!

Ой пôйду́ я въ чи́сте по́ле на Са́воръ-моги́лу;
Ой гля́ну я, подивлю́ся на свою́ Вкраину!..

(115) Т. е. четвертовали. Чве́рть, чве́ртк — четверть. (116) Попу́га — отрада. Ту́га — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружнаго*, столь прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богда́не, Богда́не, Запоро́зській Гетьма́не!
Да чому́-жъ въ чо́рно̂мъ хо́дишъ, да въ чо́рно̂мъ оксами́тѣ? (117)
— Гей, були́-жъ въ ме́не го́сті̂, да го́сті̂ Татаро́ве:
Одну́ но̂чъ ночова́ли: стару́ не́ньку заруба́ли, а миле́ньку собѣ́ взя́ли.
Ге́й, сѣдла́й хло́пче коня́, коня́ вороно́го,
Тата́ръ швы́дко доганя́ти, миле́нькую одбива́ти!
Ге́й, у чисто̂мъ по́лѣ тамъ Тата́ре ночуютъ и вече́рю готу́ютъ (118);
Тата́ринъ по та́бору хо́дитъ, миле́ньку за ру́чку во́дитъ.
Ге́й, одсу́нься, миле́нька, неха́й забью́ Татаре́нка!—
— „Чи забье́шъ, чи не забье́шъ, то̂льки мене́ зъ ума́ зведе́шъ!
Чи влу́чишъ, чи́ не влучишъ, то̂льки мѣшка́нья (119) розлу́чишъ.
Ой сѣдла́й, ми́лый, коня́: ты-жъ не мо̂й, я не твоя́!
Гей, колі́ жива́ бу́ду, то я́ тебе́ не забу́ду!“

(117) Оксами́тъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Готу́ю — готовлю. (119) Мѣшка́нье — сожитіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, столь извѣстнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фамиліи часто бываютъ у Малороссіянъ (изъ 8 й Думы видно, что Полк. Адамовичь назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Волочаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Господарство, но измѣннически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Ка́невѣ товарищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который постригся 1579 въ монахи Ка́невскаго монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ шляхомъ* дорога, идущая отъ Ка́нева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежи́ть *Га́ся*, простягла́ся — я́къ уста́не, не́ба доста́не?

8.

Охъ и си́ла, си́ла, си́ла си́лу подолѣ́ла:
Серпяго́вѣ̑ да у Льво́вѣ споде́лась моги́ла.

Спо́дѣлась моги́ла... я́къ Воло́хамъ лю́бо!
Притина́ли (120) да Серпя́гу до сухо́го ду́бу.

Ой Воло́хи, ой Воло́хи! зъ чого́ жъ ёго́ зва́ли,
Що козака́мъ Запоро́зьцямъ да изра́ду (121) да́ли?

Да изра́ду да́ли Господарю́ сво́му —
Ой Ге́тьману Серпя́говѣ̑ до́бре було́ й до́ма.

(120) Притина́ти — прикрѣплять. (121) Изра́да, зра́да — измѣна, предательство. Зра́да значитъ и. *гибель*.

Поминайте-жъ лихомъ Господаря свого —
Чи вôнъ добрый, чи вôнъ злюка, ой що вамъ до того!

Хочъ вôнъ добрый, хочъ и злюка, абы не падлюка (122).
Притинайте-жъ да Серпягу до сухого сука!

Що Серпяга, то Серпяга — брата Жаха мае,
Да вôдъ брата, да вôдъ Жаха помйнъ сподѣвае (123).

Переводъ.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягѣ во Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господарство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягѣ хорошо было и у себя.

Поминайте-жъ лихомъ своего Господаря . . . добръ ли онъ, золъ ли, что вамъ до того! . . .

Хоть онъ добръ, хоть и золъ — только бъ не подлецъ. Вяжите-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . . у него есть братъ Жахъ, — и отъ брата, отъ Жаха онъ ждетъ себѣ помина.

(122) Падлюка (падло) — подлецъ, собственно же падаль. (123) Сподѣватися, надѣяться.

9.

Ой зъ го́рода изъ По̂лта́вы (*) выѣзжа́ли коза́ки.
Усѣ́хъ було́ три та́боры, да всѣ́ три одна́ки.

У пе́ршому у та́борѣ усѣ́ лестровы́и,
У друго́му у та́борѣ усѣ́ хорунжі́и,
У тре́тёму у та́борѣ усѣ́ курѣ̂нны́и.

Ой ѣ́хали-жъ воны́ три дни̂ й три но́чи̂ въ Поку́тьѣ;
Ой на тре́тю да ура́ньцѣ (123) тре́ба въ Ме́рджѣ бу́ти.

А въ го́родѣ да у Льво́вѣ зашумѣ́ли ве́рбы:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть — Серпя́га то
ме́ртвый.

Ой въ го́родѣ да у Льво́вѣ задзвони́ли дзво́ны:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть, пра́влять по-
хоро́ны.

А въ го́родѣ у Ка́невѣ, да й заголоси́ли,
Що Серпя́гу у моги́лу ти́хо положи́ли.

Ой Серпя́гу положи́ли, да и захова́ли;
Да поми́нъ по Украи́нѣ, поми́нъ во̂дправля́ли.

(123) Ура́нцѣ, вра́нцѣ — поутру; ра́нокъ — утро.
(*) Прежняя Полтава находилась на р. Голтвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, 1589. Пѣсню сію я отношу къ нему, и не знаю кому бы она шла болѣе.

10.

Ге́й, зъ у́стни̂ (124) Днѣпра́, да до вершѝны
Се̂мсо́тъ рѣчо́къ и чоты́ри̂,
Да усѐ воны́ да у Днѣпръ впа́ли,
У Днѣпръ пра́вный несказа́нный! —
Да повѣ́йте, вѣ́тры низовы́и,
Ой на па́русы безодны́и (125)!
Ой сиди́тъ коза́къ да на де́менѣ (126),
И во̂нъ де́меномъ поверта́е,
И на Чо́рне Мо́ре погляда́е:
Ой плыве́ судно́, одни́мъ-одно́,
Въ ёму́ Ту́рчинъ сиди́тъ зъ Турке́нею,
А Турке́ня сиди́тъ, вона́ не гуля́е,
Шовко́венькіи рушничо́къ (127) вышива́е.
Ой кому́ сей рушни́къ бу́де —
Ой чи Ту́рчину, чи Тата́рину,
Ой чи козако́ві̂ молодо́му?
— Ой се бу́де Кошово́му молодо́му.

---

(124) Устня — устье. (125) Безо́дный — бездонный. (126) Де́менъ — корма. (127) Рушни́къ — полотенцо.

ОТРЫВОКЪ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому, бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венчеславъ на коню гуляти,
А повѣсивъ черезъ плечи да сайдакъ * багатый.
Грай море, Чорне Море!
Гала, гиды, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Былевыя пѣсни о временахъ козачества отъ возстанія противъ уніи до смерти Богдана.

Въ той ча́съ була́ че́сть, сла́ва,
Во̂йско́вая спра́ва:
Сама́ себе́ на смѣ́хъ не дава́ла,
Непрія́теля по̂дъ но́ги топта́ла.

Дума VIII.

Замѣчаніе II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ притѣсненія, которыя Украинѣ стала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христофоръ Косинскій*, вызвавшись быть Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гетьманы *Павелъ Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, затихли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, столько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провелъ съ ними подъ Переясловомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). *Сулима*, *Павлюкъ*, *Остраница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновѣй Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ того онъ въ 1654 году поддался Царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переясловѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Чит. Бант. Кам. И. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у городѣ Могилевѣ дымомъ потягнуло.
Якъ те войсько Запорозське зъ гарматъ да ревнуло.

Ой у городѣ Могилевѣ да сталося пусто,
Якъ повѣяли козаки зъ самопаловъ густо.

Ой у городѣ Могилевѣ орлы да гадюки (128) —
Ляцькимъ тѣломъ годуються, Ляцьку тѣлу радуются.

Ой у городѣ Могилевѣ, що пнѝ да колоды...
Прилучилося, бачъ, лихо Ляцькои породѣ.

Не такее ище-бъ лихо, якъ тая позора,
Що ходить по бѣлу свѣту зъ двора да до двора.

Не такъ тая позора, якъ козакамъ порада...
Що, Кравчину (129) шануючи, Ляхамъ далась зрада.

Далась Ляхамъ зрада изъ самого рана,
Одъ Гетьмана Наливайка, шановного Пана.

Переводъ.

Въ городѣ Могилевѣ потянуло дымомъ, какъ Запорожское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадюка — змѣя. (129) Кравчина — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ стало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли густо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да змѣи: Ляшскимъ тѣломъ питаются, Ляшскимъ тѣломъ потѣшаются.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды... приключилося, вишь, лихо Ляшской породѣ!

Не такъ-то еще лихо, какъ тотъ позоръ, что ходитъ по бѣлу свѣту отъ двора во дворъ.

Не такъ еще и позоръ, какъ та отрада козакамъ, что гибель, минуя Запорожское войско, постигла Ляховъ.

Постигла Ляховъ гибель съ самаго заранья, отъ Гетьмана Наливайка, досточтимаго пана!

12.

О смерти Наливайка, который попался въ плѣнъ Жолкевскому при Лубнахъ. Кто такой былъ Игнатъ *Голый*, столь прославляемый въ пѣсняхъ, по Исторіи не видно.

Сла́вна стала та́ Кравчи́на якъ на По́льщу ста́ла,
Вовкула́камъ, Кателикамъ (130) мстю́чи зра́ду да́ла.

Ту́ю зра́ду, ту́ю зра́ду, що въ мурѣ́, въ темни́цѣ
Зъ Налива́йка позыча́ла (131) якъ зъ бѣ́дной вдови́цѣ.

Вдо́винъ сы́ну, вдо́винъ сы́ну! е́ще въ те́бе бра́тья,
А въ бра́то̂въ твоихъ коза́ко̂въ бага́цько завя́тья (132)! —

(130) Вовкулака — упырь, оборотень. Слово Ка́те́ликъ у Козаковъ было самое поносное. (131) Позыча́ти — брать взаймы. (132) Бага́то — много; бага́цько — множество. Завзя́тье — отвага, удальство.

Зходи́лися всѣ́ коза́ки, Ра́ду положи́ли,
Да на Ра́дѣ на Поля́ко̂въ похо́дъ присуди́ли.

Розходи́лися коза́ки изъ свое́и Ра́ды,
Выбі̂ра́ли зъ-по̂дъ каме̂нье̂въ вели́кі̂и кла́ды.

Кла́ды продава́ли, самопа́лы купова́ли;
Купова́ли самопа́лы, въ похо́дъ выступа́ли.

А попе́реду всѣ́хъ Го́лый — со́коломъ лѣта́е;
На ко́нику вороно́му жа́хомъ выграває (133).

Приверта́ли козаче́ньки по-ра́ну до Слу́чи,
Да зъ гарма́ты густова́ли Катели́ко̂въ звучи.

А Ляхи́ й почу́ли, увъ отвѣ́тъ ревну́ли —
Бо-да́й-же (134) ймъ тя́жко й ва́жко, що воны́ ревну́ли.

Що воны́ ревну́ли, бѣду́ провѣща́ли;
А коза́ки Гайдама́ки ду́мали й гада́ли.

Ду́мали й гада́ли, ду́мали й гада́ли;
Тя́жко, ва́жко за Ге́тьманомъ свои́мъ сумова́ли.

А въ Варша́вѣ да на Ра́дѣ да су́дьи суди́ли;
Да зпали́ти Нали́ва́йка въ волу́ — присуди́ли.

Присуди́ли Налива́йка да Ляхи́ спали́ти,
Присуди́ли козаче́ньки Ляха́мъ во̂домсти́ти! —

(133) Носится, какъ страхъ. (134) Бог-да́й или бо-да́й — пусть, да будетъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чу́ра, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ отмщеніи за него взывающій къ козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулимы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про Гетьманство Потоцкаго и двукратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ го́родѣ въ Бату́ринѣ дзво́ны задзвони́ли :
То коза́ки Гайдама́ки у Ра́дѣ ради́ли.

Ой у Ра́дѣ да ради́ли, якъ на По́льщу ста́ти,
Да на Ра́дѣ присуди́ли Вкраину є̂дна́ти.

Отъ и вы́йшли Гайдама́ки, хочъ тысяча й двѣ́сти̂,
Да бага́цько да за ни́ми зведе́тся корысти̂ !

А попе́реду па́нъ Сули́ма Ота́манъ Кошо́вый —
Чого́-жъ жа́ху завдава́ти, що во̂нъ чорнобро́вый?

Панъ Сули́ма, панъ Сули́ма козако̂въ збіра́е,
Да й усѣ́мъ тѣмъ Гайдама́камъ во̂нъ та́къ промовля́е:

„Това́риши Гайдама́ки, чинѣ́ть мою́ во́лю!
„Що намъ тре́ба во̂дплати́ти Вкраинську недо́лю.

„Хочъ насъ, паны́ Гайдама́ки, и тысяча й двѣ́сти̂;
„Да бага́цько да за на́ми зведе́тся корысти̂!

„Ой багацько да корысти зведется за нами,
„Коли зхочете побиться бучно (135) изъ Ляхами."—

Якъ на тее обôзвався Лободôвській чура;
До козакôвъ уклоняе, отъ-такъ промовляе:

— Ой панове Гайдамаки, добре себе майте —
Що за мого пана Йвана Ляхамъ вôдомщайте!

Ой мôй пане, пане Йване, де-сь то ты зобгався,
Що на Ляхôвъ ставъ завперше (136), да й не сподѣвався!

Ой мôй пане, пане Йване, Наливайкôвъ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ, задавъ — да й байдуже (137)! . . .

Ой мôй пане, пане Йване, де-сь то ты сподѣвся,
Що у мурѣ, у темницѣ Ляхамъ знадобився!

Ой панове Гайдамаки, пана Йвана зпомянѣте,
Да за мого пана Йвана Ляхамъ вôдомстѣте!

Коли хочете Вкрайну до себе ѐднати,
То вамъ треба пана Йвана добромъ поминати.

Якъ Вкрайну тіи Ляхи до себе ѐднали;
Тодѝ наши зъ паномъ Йваномъ въ походъ выступали.

Якъ Вкрайну тіи Ляхи до себе ѐднали,
Тодѝ наши зъ паномъ Йваномъ Ляхôвъ воювали.

(135) Бучно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Байдуже, сѝлькѝсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхо̂въ воюва́ли, якъ по Бу́гу спа́ли;
Да Гетьма́на Попо́цького дво̂чи̂ заганя́ли.

Ой и Ляхо̂въ воюва́ли, якъ по Пру́ту спа́ли;
Того́ було́ що й Цоцо́ру до́бре плю̂ндрова́ли.

До́бре було́, до́бре було́, да ста́лася зра́да.
Що заби́то па́на Йва́на у неде̂лю зра́на. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМЪ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, который предался Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Голымъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старинѣ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Нечаѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынѣ и отцѣ, предавшихся Полякамъ подъ Каневомъ предъ битвою Чигиринскою (1596); Тетеренко поиманъ подъ Варшавою козакомъ *Случаемъ*.

14.

Ой бу́въ въ Се̂́чѣ ста́рый коза́къ прозва́ніемъ Ча́лый;
Вы́годовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не зхоте̂́въ да панъ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Во̂нъ по̂йшо́въ-же до Ля́шенько̂въ сла́вы залучи́ти.

Ой во̂нъ по̂йшо́въ до Ляше́нько̂въ слу́жбы во̂дправ-
ля́ти,
Изъ Ляха́ми Правосла́вну Це́рковъ руйнова́ти.

Збира́лися Запоро́зци̂, всѣ въ Ра́ду зхожа́ли;
За похо́ды туды́-сюды́ про-ме̂́жъ се́бе рахова́ли.

Усѣ́ прійшли́, усѣ́ прійшли́, одного́ нема́е;
Ой чо́мъ тебе́, ба́тьку Ча́лый, у Ра́дѣ нема́е? —

„Чого́-жъ менѣ́, да пано́ве, у Ра́ду ходи́ти?
Що хо́чете мого́ Са́ву навѣ́ки згуби́ти.

Хочъ ста́въ собѣ́ во̂нъ до Ля́хо̂въ . . . да вже́-жъ, сынку ми́лый,
Чому́ ты ста́въ, чому́ до на́съ такі́й ста́въ спѣ-си́вый?"

— Ой спѣси́вый, не спѣси́вый — паны́ ка́жуть — Са́ва . . .
Да недо́бра, зури̂вочна ста́ла его́ сла́ва.

Що не то̂льки да панъ Са́ва Це́рковъ да руйну́е:
Изъ бѣса́ми ста́въ за-пра́во, й ба́рзо знахорю́е. —

Обо̂зва́вся на те́ Го́лый, ка́же: до́бре зна́ю,
Ой я́ того́ па́на Са́ву у ру́ки по̂йма́ю!

Отъ и ста́ли да пано́ве Ра́ду розсуча́ли;
Своихъ ко́ней посѣдла́ли, въ похо́дъ выступа́ли.

==

Ой бувъ Са́ва, да ѣ́въ са́ло да все́ паляни́ці̂;
Не коха́въ Са́ва молодыхъ дѣвча́тъ, да все́ молоди́ці̂.

Не коха́въ Са́ва да коза́ко̂въ, да все́ Ка́телики, —
Загуби́въ Са́ва, протеса́въ Са́ва свою вѣ́ру навѣ́ки.

Ой бувъ Са́ва въ Неми́ровѣ въ Ля́хо̂въ на обѣ́дѣ;
И не зна́е, не вѣ́дае о своей бѣ́дѣ.

Ой пье Са́ва и гуля́е, Ля́хомъ выруба́е,
А до его́ що до Са́вы гоне́ць прі́ѣзжа́е.

— А що ты тутъ, малый хлопку! чи все гараздъ
дома? —
— „Протоптана, пане, стежка до вашого двора.

Да все гараздъ, да все гараздъ, усе хорошенько:
Выглядають Гайдамаки зъ-за горы частенько!“

— Отъ-то лихо, выглядають! яжъ ихъ не боюся!
Хибажъ нема въ мене войська? я не забарюся.

Сѣдлай, хлопку, сѣдлай, малый, коня вороного;
Поѣдемо мы до-дому хоча насъ немного. —

Ѣде Сава зъ Немирова на вороно̂мъ коню...
А приѣхавши, гадае да про свою долю.

— Ой ты-жъ, доле — каже Сава — щербатая доле! —
Питается челядоньки: чи все гараздъ дома? —

„Гараздъ, гараздъ, пане Саво! ще лучче зъ тобою,
Якъ тебе мы побачили на вороно̂мъ коню.“ —

Ой сѣвъ Сава въ ко̂нцѣ стола, да листоньки пише;
А Савиха на лѣжоньку дитину колыше. —

Сидить Сава, листы пише, Сава думку дбае;
Отъ вже Сава, да панъ Сава, гадку замышляе:

— По̂ди, дѣвко, у пивницю утончи горѣлки,
Ой нехай-же я напьюся за здоровье жо̂нки.

По̂йди, дѣвко, у пивницю да принеси пива,
Ой нехай-же я напьюся да за свого сына.

По̂ди, дѣвко, у пивницю внеси менѣ меду:
Чого-сь менѣ трудно, нудно — головки не зведу. —

Сидить Сава въ концѣ стола, все листы читае;
А Савиха молодая все дума й гадае.

Сидить Сава въ концѣ стола, хлопця вызывае,
А Савиха молодая плаче да рыдае.

Ой не вспѣла челядонька зъ стѣны ключи зняти,
Ставъ Йгнатъ Голый зъ Кравчиною ворота ла-
мати.

Якъ вôдсуне да панъ Сава вôконце одъ рынку;
А вже тіи, Гайдамаки блукають по сѣнку.

Тôльки-жъ тая челядонька на порôгъ ступае,
Ажъ Микитка пану Савѣ чоломъ оддавае.

— „Здоровъ, здоровъ, пане Саво, якъ ся собѣ маешъ?
Добрыхъ гостей собѣ маешъ: чѣмъ ихъ привѣтаешъ?

Ой чи медомъ, ой чи пивомъ, ой чи горѣлкою?
Попрощайся зъ своимъ сыномъ и зъ своею жôнкою!“

— „Ой давъ-бы вамъ меду й пива не хочете пити;
Ой вы жъ мене молодого хочете згубити. —

Ой чѣмъ менѣ васъ, панове, чѣмъ васъ привѣтати?
Даровавъ, менѣ Господь сына, буду въ кумы брати. —

— „Ой не того прійшли до тебе, да щô-бъ кумовати,
А мы зъ того прійшли до тебе, да щô-бъ розчитати!

Ой веди-жъ насъ, пане Саво, у нову комору,
Да оддавай, пане Саво, козацькую зброю.

А де-жъ твои, пане Саво, сукнѣ, едамашки,
Що ты нажилъ, вражій сыну, зъ козацькои ласки?—

Да́ не того́ прійшли́ до тебе, да що́-бъ кумова́ти;
А мы́ зъ того́ прійшли́ до тебе, що́-бъ голо́вку зня́ти.

Ой було́-бъ тобѣ́, па́не Са́во, га́рдъ не руйнова́ти,
Коли́ хотѣвъ Запоро́зьцêвъ въ ку́мы собѣ́ бра́ти." —

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва до я́сного меча́ . . .
Его́ взяли́ на три́ списы изъ пра́вого плеча́.

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва да я́снои збро́и . .
Его́ взяли́ да пôдняли́ на три́ списы къ горѣ́.

— „Отсе́-жъ тобѣ́, па́не Са́во, су́кнû, едама́шки, (138)
Що ты нажи́въ, вра́жій сыну, зъ коза́цькои ла́ски!"

Ой не вспѣ́въ-же да панъ Са́ва на ко́ника впа́сти:
У кайда́ны закова́ли, ста́ли на́ вôзъ кла́сти.

— Ой, Пано́ве Запоро́зцû, хиба́-жъ то ва́мъ сла́ва,
Що въ кайда́ны да заби́тый лежи́ть у ва́съ Са́ва?

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю зъ кайданôвъ пусти́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбôльшую отъ-симъ залучи́ли.

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю мêжъ се́бе приня́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбôльшую отъ-симъ дарова́ли. —

А Сави́ха молода́я вôкно́мъ утêка́ла,
На молоду́ челя́доньку спи́льна погляда́ла.

— Хапа́й, хапа́й, челя́донько, малу́ю дити́ну:
Бу́дешъ жи́ти, панова́ти, коли́ я не зги́ну! —

Не бойться коза́ченько ни гро́му, ни ту́чû:
Хороще́нько въ ко́бзу гра́е, до Са́вихи йду́чи.

(138) Су́кня — платье. Едама́шка — Дамасская матерія.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асаулъ, захваченный въ битвѣ близь Старицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гетьманомъ *Степаномъ Остраницею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизы́й о́рлику, молоды́й Чура́ю!
Ой заби́ли-жъ тебе́ Ляхи́ да у своє̂мъ кра́ю.

Ой заби́ли тебе́ Ляхи́ изъ твои́мъ Гетьма́номъ,
Изъ твои́мъ Гетьма́номъ, що Па́номъ Степа́номъ.

Орлику, сизы́й о́рлику! орло̂въ брато̂въ ма́ешъ,
Що стары́и й молоды́и — са́мъ и̂хъ до́бре зна́ешъ—

Що стары́и й молоды́и — все́ въ тебе́ вдали́ся,
Во̂домсти́ти да за те́бе усе́ покляли́ся.

Що стары́и й молоды́и усе́ голе̂нны́и (139);
А въ и̂хъ ко́ни̂ вороны́и, швидкі́и й быстры́и;

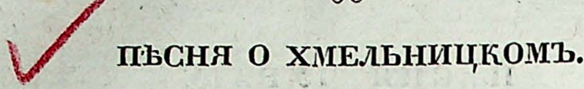
Ой швидкі́и и быстры́и, якъ орлы́ лѣта́ють,
На Ляшські́и городы́, хма́рой набѣга́ють.

А въ и̂хъ списы була́тныи зъ до́вгими ко̂ньця́ми
Усе́ гостры̂ якъ голочки́, зъ до́вгими клюга́ми (140).

А въ и̂хъ шабли̂ була́тныи, на обы́два бо́ки,
Вра́жимъ Ляха́мъ зра́ду сы́плють по все́ вѣчни̂ ро́ки!

(*) Пѣсня сія, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины*.

(139) Голе̂нный — удалый (быстрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5 Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ Водахъ (въ Екатер. Губ.).

16.

Чи не то́й то хмѣль, що коло́ тычи́нъ вье́тся?
Гей то́й то Хмельни́цькій, що зъ Ляха́ми бьется.

Гей поѣхавъ Хмельни́цькій икъ Жо́втому Бро́ду,
Гей не оди́нъ Ляхъ лежи́ть голово́ю въ во́ду.

Не пій, Хмельни́цькій, ду́же той Жо́втои во́ды:
Иде́ Ляхо̂въ со́рокъ тысячъ хоро́шои вро́ды.

„А я Ляхо̂въ не бою́ся и га́дки не ма́ю,
За собо́ю вели́кую поту́гу я зна́ю,

Ище́ й Орду́ за собо́ю ве́ду:
А все, вра́жі̂ Ляхи́, на ва́шу бѣду́.“ —

Утѣка́ли Ляхи́, погуби́ли шу́бы. . .
Гей не оди́нъ Ляхъ лежи́ть, выщеривши зу́бы!

Станови́ли Ляхи́ дубо́вын ха́ты,
Прійде́тся Ляше́нькамъ въ По́льщу утѣка́ти!

Утѣка́ли Ляхо̂въ де́-які̂и во́вки,
Ѣли Ляхо̂въ соба́ки и сѣрыи во́вки.

Гей та́мъ по́ле, а на по́лѣ цвѣты:
Не по одно̂мъ Ляху́ заплака́ли дѣ́ты.

Гей та́мъ рѣ́чка, чере́зъ рѣ́чку гли́ця:
Не по одно̂мъ Ляху́ зоста́лась вдови́ця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельству Пасторія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ поставлено *Канёвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же поставилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ темного лѣсу, лѣсу, изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утѣкай, Нечаю!

„Якъ я маю козакъ Нечай зъ-вôдсѣль утѣкати,
Славу свою козацькую пôдъ ноги топтати?

Ой е въ мене Шпакъ, Шпакъ — отъ-той добрый хлопець! —
Ой той менѣ дае знати коли утѣкати!“

— А я тебе, мôй Нечаю, не убезпѣчаю:
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для свого звычаю!

Ой я тебе, мôй Нечаю, не убезпѣчаю:
Держи свою шабелечку да пôдъ опанчою! —

„Сѣдлай, сѣдлай, малый хлопче, коня вороного,
А побѣжи въ чисте поле, чи иде Ляшкôвъ много?“

Вертаетсья малый хлопець ажъ изъ Полонного (*):
— А иде Ляшкôвъ сорокъ тысячъ, тôльки безъ одного! —

(*) *Полонное* мѣстечко при р. Хамарѣ, 98 верстъ отъ Житоміра.

Козáкъ Нечáй, козáкъ Нечáй на тé не вповáе,
Да зъ кумóю зъ Хмельнúцькою мéдъ-винó кругляé!...
Бо постáвивъ козáкъ Нечáй три сторóжй въ мѣстѣ,
А сáмъ пôшóвъ до кýмоньки щýку-рыбу ѣсти.
Ой погляне козáкъ Нечáй за Тихіи вóды:
Идé Ляхôвъ сóрокъ тысячь хорóшои врóды!
Подивúвся козáкъ Нечáй у нóву кватырку:
Хóдить Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ якъ курéй по
рынку.

Ой якъ крúкне козáкъ Нечáй на хлóпця малóго:
„Сѣдлáй, хлóпче, сѣдлáй, малый, конá вороного!
Сѣдлáй менѣ вороного, собѣ буланóго —
Гéть вырѣжемъ врáжихъ Ляхôвъ, гéть що до ôднóго!"

Ой якъ стисне козáкъ Нечáй коня острогáми, (141)
За нúмъ Ляхôвъ сóрокъ тысячъ зъ гóлыми шаблями,
Ой якъ вôзьме козáкъ Нечáй одъ бáшты до бáшты:
И стáвъ Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ якъ снóпики
клáсти.

Повернýвся козáкъ Нечáй вôдъ брямы до брямы:
А постáвивъ врáжихъ Ляшкôвъ у чотырй лáвы.
Повернýвся козáкъ Нечáй на прáвее плéче:
А вжé зъ Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ кровъ рѣчкáми
тéче.

Повернýвся козáкъ Нечáй на лѣвую рýку:
Не выскочить Нечáевъ кôнь изъ Ляцького трýпу!...
А спотикнýвся Нечáевъ кôнь на малý тычúну;
Пôймáвъ ёго Калинóвській зъ кóня за чуприну.

---

(141) Острогá — шпоры.

Чи не той-то хмѣль, хмѣль, що высоко вьется?
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ Ляшками
бьется?

Чи не той-то хмѣль, хмѣль, а що въ пивѣ грае?
Чи не той-то козакъ Нечай, що Ляшковъ рубае?

Чи не той-то хмѣль, хмѣль, що у пивѣ кисне,
Чи не той-то козакъ Нечай, що Ляшенькôвъ тисне?

Не знаете, вражіи Ляшки, чѣмъ хлопця убити:
Срѣбнымъ гуцькомъ, срѣбнымъ гуцькомъ ручницю
набити!

Не за довгій, довгій часъ, за малу годинку,
Качается Нечаёва головка по рынку.

Ой не дбали вражіи Ляхи на козацьку вроду,
Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду.

18.

Ой зъ пôдъ гаю, гаю, зъ пôдъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утѣкай Нечаю!

„Ой не бôйтеся, не бôйтесь, Паны Отаманы;
Я поставивъ сторожѣньку усѣми шляхами.“

— Ой я тебе, мôй Нечаю, не убезпѣчаю:
Держи свого кониченька въ своѣмъ обычаю! —

„А я козакъ молоденькій Ляхôвъ не боюся,
Маю-жь бо я козаченькôвъ, да й оборонюся!“

Одъ Красного Броду, одъ Чорнои Воды
Иде Ляшкôвъ сорокъ тысячъ хорошои вроды.

Ой не вспѣвъ-же́ Неча́енько на ко́ника сѣ́сти:
Огля́неться наза́дъ себе́, а вже́ Ляхи́ въ мѣ́стѣ.

Ой порва́вся коза́къ Нечай до туго́го лу́ка,
Обе́рнеться наза́дъ себе́ — а вже́ по́вно тру́па.

Стрепене́тся коза́къ Нечай объ по́лы рука́ми:
Сюды́ гля́не, туды́ гля́не — тече́ кро́въ рѣка́ми.

Уда́рится коза́къ Нечай объ по́лы руко́ю:
„Ой прійдется розлучи́ться изъ дѣтьми́ й жоно́ю!“

— Ой де́-жъ твои́, Неча́еньку, вороны́и ко́нѝ? —
„У Ге́тьмана у По́льного стоя́ть на припо́нѣ.“

— Ой де́-жъ твои́, Неча́еньку, кова́ныи во́зы? —
„По̂дъ мѣ́стечкомъ Бере́стечкомъ зато́ченѝ въ ло́зы!“

— Ой де-жъ твои́, Неча́еньку, сукнѝ, блавата́сы?
„Гей посѣ́кли, порубáли Ляхи́, въ шабельта́сы!“

— Ой де́жъ твои́, Неча́еньку, дѣ́тоньки да жо́на?
„Ой въ мѣсте́чку Бересте́чку сидя́ть собѣ́ до́ма.

Ой кото́рый коза́ченько буде зъ ва́съ у мѣ́стѣ —
Поклони́ся моей жо̂ньцѣ й несчастно̂й невѣ́стцѣ.

Нехай вона́, нехай бере́ срѐбла - зло́та до́-сыть:
Нехай мене́ выкупля́е и оста́нку про́сить!“

Не хотѣ́ли вра́жѝ Ляхи́ срѐбла - зло́та бра́ти,
А воли́ли Неча́енька въ дро̂бный ма́къ сѣка́ти.

— Гей вы козаче́ньки, чи не були́ въ мѣ́стѣ?
Поклоне́тесь мату́сенцѣ й несчастно̂й невѣ́стцѣ!

Нехай вона́, нехай пла́че, а вже́ не випла́че,
Ой надъ сыномъ, надъ Неча́ёмъ чо́рный во́ронъ кря́че.

Ой за ма́лу́ хви́льку, за ма́лу́ годи́нку,
Ой скака́ла Неча́ёва голо́вка по рынку. . . .

ОТРЫВКИ.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСѢ.

Имя *Перебійноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебійносъ, къ которому относится сей отрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривоносъ*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, которой, къ сожалѣнію, я у себя теперь не имѣю.

Ой лугáми да берегáми да зелéныи вѣты (141'):
Да засѣдáють Ляхи́, да засѣдáють паны́, Перебíйнôса вбйти.
А Перебíйнôсъ того́ й не гадáе,
Да мéдъ вино́ попивáе.
Ой одсýнувъ пáнъ Перебíйнôсъ покýтьню кватырку —
Ажъ гуля́ють Ляхи́, ажъ гуля́ють паны́, да по ёго́ рынку.

20.

Докôль ходили по Укрáинѣ козаки́ зъ рôгáми,
Стоя́ли степы́, поля́ облôгáми;
Якъ явúлися на Укрáинѣ попы́ въ ладôвни́цяхъ:
Стáли у мужикôвъ пироги́ на полицяхъ.

(141') Вѣта — вѣтвь.

21.

Да не буде лучче, да не буде красче якъ у насъ на Вкраинѣ:
Да немае Жида, да немае Ляха, немае Уніи.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Ходять слуги по покою, вздыхають до неба:
Нема пана Гетьмана — розойтися треба.

23.

Туманъ поле покрывае,
Козакъ полемъ проѣзжае;

Ой выѣхавъ край могилы
Край могилы Верховины.

„Ты, могило Верховино,
Чому рано не горѣла?"

— Ой я рано не горѣла,
Бо кровцёю обкипѣла. —

„Ой якою?" — Козацькою,
Половину и зъ Ляцькою. —

24.

У Гайсинѣ вѣтеръ вѣе, а въ Уманѣ тихо,
Въ Браиловѣ добра нема, а въ Тульчинѣ лихо.

25.

Березо, чому ты не зелена? —
Ой якъ менѣ зеленою бути:
Подо мною Татары стояли,
Копытами землю грасовали,
Шаблями голья позтынали. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Былевыя пѣсни о временахъ послѣ Богдана до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вѣ́чной па́мяти бува́ло
У насъ въ Гетьма́нщинѣ коли́-сь.

Котляревскій.

Замѣчаніе III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по истеченія коего (1667, Янв. 13) Заднѣпровская Украина отошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ-было *обостороннею* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кiев. Синопс. 1823): 28й Иванъ Ильичь *Скоропадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павелъ Леонтьевичь *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Данило Павловичь *Апостолъ*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичь *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ Батуринѣ, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Рополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣя*. Забубённаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женцû жнýть,
А по-пôдъ горóю,
По-пôдъ зеленóю
Козакú йдýть.

А попéреду Дорошéнько —
Ведé своé вôйсько,
Ведé Запорôзське
Хорошéнько.

По серéдинѣ Панъ Хорýнжій —
Пôдъ нúмъ коничéнько,
Пôдъ нúмъ воронéнькій
Сúльне дýжій.

А позáду Сагайдáчный,
Що промѣнявъ жôнку
На тютюнъ да люльку (142)
Необáчный.

(142) Тютюнъ — табакъ. Люлька — трубка.

— Гей вернися, Сагайдачный!
Возьми свою жонку,
Оддай мою люльку,
Необачный!

„Мене зъ жонкою не возиться;
„А тютюнъ да люлька
„Козаку въ дорозѣ
„Знадобиться!

„Гей! хто въ лѣсѣ? озовися!
„Да выкрешемъ огню,
„Да потягнемъ люльки —
„Не журися! . . .“

О КОЗАКѢ БАЙДѢ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), кажется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкій — Магометъ IV.

А въ мѣстечку славномъ Берестечку
Ой пье Байда медъ да горѣлечку;
Ой пье Байда да не день, не два,
Да не одну ночку дай не годиночку.
Царь Турецькій къ ёму присилае,
Байду къ собѣ подмовляе:
— Ой ты, Байда, да славнесенькій!
Будь менѣ лыцарь да вѣрнесенькій,
Возьми въ мене Царевночку,
Будь паномъ на всю Украйночку. —
„Твоя, Царю, вѣра проклятая,
Твоя, Царю, дочка поганая!“

Ой крикнувъ Царь на гайдуки :
— Во̂зьмѣть Байду добре въ руки ,
Во̂зьмѣть Байду извяжѣте ,
На гакъ (142′) ребромъ зачепѣте. —

Ой виситъ Байда да й не день , не два ,
Да не одну но̂чку , да й не годиночку.
Ой виситъ Байда , да й гадае ,
Да на свого хлопця споглядае ,
Да на свого хлопця молодого ;
И на свого коня вороного.
„Ой ты, хлопче молодесенькій !
Подай менѣ лучокъ да тугесенькій ,
Подай менѣ лучокъ
И стрѣлочокъ пучокъ :
Ой бачу я три голубочки ,
Хочу я убити для ёго дочки.
Нехай же я убью Царю
Та на славную вечерю !“
Якъ стрѣливъ — Царя уцѣливъ ,
А Царицю у потылицю , (143)
А ёго дочку въ головочку.
„Отъ-то тобѣ, Царю, да за твою кару :
Було тобѣ знати , якъ Байду карати.
Було Байдѣ голову изтяти ,
Его тѣло поховати ,
Вороным конемъ ѣздити ,
Хлопця собѣ зголубити.“

(142′) Крюкъ. (143) Затылокъ.

28.

Пѣсня сія сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажурилась Украина, що нѣгдѣ ся-дѣти:
Вытоптала Орда кôньми усѣ малû дѣти.

Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А середнûи забрала, у полонъ погнала.

Ой служивъ я тому Пану, Пану бусурману;
А теперъ служити стану Восточному Царю!

Ходить Ляшокъ по рыночку, шабельку выймае:
Козакъ ёго не боится, шапки не знûмае!

Ось Ляшокъ до шабельки, а Козакъ до дрюка:
Теперъ тобѣ, вражій сыну, зъ душою розлука.

ЧАЙКА.

29.

Въ лѣтописи Конисскаго пѣсня сія приписывается *Мазепѣ*; по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Атаманомъ.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ нéбозѣ (143),
Що вывела дѣтки при битôй дорозѣ.

Киги! Киги! злетѣвши въ гору —
Тôльки втопиться въ Чорному Морю!

(143) Чайкѣ бѣдняжкѣ.

Жито поспѣло, приспѣло дѣло;
Йдуть женцѣ жати, дѣтокъ забѣрати.
Киги! киги! . . .

Ой дѣти, дѣти! де васъ, подѣти?
Чи менѣ втопиться, чи зъ горя убиться?
Киги! киги! . . .

И куликъ чайку взявъ за чубайку!
Чайка кигиче: згинь ты, куличе!
Киги! киги! . . .

А бугай (144) *бугу*! гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко, бо буде тяжко!
Киги! киги! . . .

— Якъ не кричати, якъ не лѣтати:
Дѣтки маленькѣ — а я ѣхъ мати!
Киги! киги! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢЕНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣенкѣ относится къ той осадѣ Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ ее въ теченіе 1½ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ тѣмъ Полтавскую битву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣчь*.

Запорозцѣ небожата (144')! пшениця не жата:
Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю зажнѣте.
Ой хочъ пойдемъ оглядати — не будемо жати!
Хвалилися Запорозцѣ Полтавы достати.

(144) Бугай — быкъ, здѣсь значитъ быкъ-птица, выпь.
(144') Голубчики.

Ще Полта́вы не доста́ли, а вже Шве́дъ изда́вся;
На бѣдную голо́воньку Кошо́вый зоста́вся.

Ой уме́рла въ Кошово́го старе́нькая ма́ти,
Ой нѣкому Кошово́му пора́доньки да́ти.

Восто́чный Ца́рь на Вкраи́нѣ не до́йма́е вѣры —
Посыла́е Голи́цына, щобъ не було́ змѣны.

„Ой иди́-жъ ты, Голи́цыну, иди́-жъ ты горо́ю,
А я́ по́йду́ зъ Москаля́ми услѣдъ за тобо́ю."

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубея и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относится пословица: *Знявши го́лову по воло́сьямъ не пла́чуть.*

31.

Мазе́по Гетьма́не, изра́дли́вый Па́не!
Зле́е почина́ешъ, зъ Шве́домъ наклада́ешъ
И на Царя́ Восто́чного ру́ки по́до́йма́ешъ.

По́днявъ еси́ Орду, изроби́въ трево́гу! —
А при то́й измѣнѣ бувъ Кочубе́й да Искра:
По́шли-жъ воны́ зъ-по́дъ Полта́вы (*) да до Царя́
зни́шка.

А Царь вѣры не до́нявъ, до Мазепы одо́сла́въ:
Скоро́-жъ и́хъ Мазе́па взрѣвъ — ба́рзо звесели́вся;
А Кочубе́й изъ Искрою слёза́ми обли́вся.

Усѣ Паны́ Сена́торы, усѣ бенке́тъ ма́ли;
Кочубе́я-жъ изъ Искрою ба́рзо забува́ли.

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ доносу.

Тôльки ты́ ихъ не забу́въ, Миргоро́дскій Пане (*),
Що Кочубе́й изъ Искрою за Вкра́йну спа́ли! —

У Кіевѣ на Подо́лѣ пору́баны гру́ши;
Погуби́въ-же пе́съ Мазе́па неви́нныя ду́ши!

Ой выгорѣвъ весь Бату́ринъ, зôста́лася ха́та (**);
Да вже́-жь твоя́, псе Мазе́по, и душа́ прокля́та.

Бу́въ у тебе, псе Мазе́по, оди́нъ хло́пецъ Нѣмецъ... (***)
Пôшло́-жь твое́, псе Мазе́по, усе́ добро́ ни́вецъ! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос. крестьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ и Донцомъ.

32.

У Глу́ховѣ у го́родѣ у всѣ дзво́ны дзво́нютъ;
Да вже на́шихъ коза́ченькôвъ на ли́нѣю го́нютъ.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣ̂льну́ли зъ гарма́ты;
Не по однôмъ коза́ченьку запла́кала ма́ти.

(145) Ни́вецъ — ни-во-что̀. Ни́вечить — портить, ничтожить. Ницъ — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гетьманомъ.

(**) 1708 Г. въ Октябрѣ Князь Меншиковъ осадилъ Батуринъ, великолѣпную резиденцію Мазепы, разорилъ и сжегъ его до основанія; на мѣстѣ онаго было только нѣсколько *хатъ*, до 1750 г., когда избранный въ Гетьманы Каммергеръ Графъ К. Г. Разумовскій захотѣлъ перевести Гетьманскую резиденцію изъ Глухова опять на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Кенигсенъ*.

У Глу́хові у го́роді стрі̂льну́ли зъ ручни́ці̂;
Не по одно̂мъ коза́ченьку пла́кали сестри́ці̂.

У Глу́хові у го́роді попле́тены сі́тки;
Не по одно̂мъ коза́ченьку заплака́ли ді́тки.

На бы́строму на о́зері — геть пла́вала ка́чка (146);
Не по одно̂мъ коза́ченьку пла́кала коза́чка. —

У Гри́цькові огні̂ горя́ть, а въ По̂лта́ві ды́мно;
На мо́гилі Ге́тьманъ сиди́ть — геть-та́мъ ёго́ ви́дно!

Допевня́йся-жъ (147), нашъ Гетьма́не, допевня́йся
пла́ты!
Якъ не бу́дешъ допевня́ти, бу́демо вті̂ка́ти.

Ой иді́ть-же вы, пано́ве, до Петра́ до сва́та —
Ой тамъ бу́де вамъ, пано́ве, вели́ка запла́та:
По за́ступу у ру́ченьки, да ще́ и лопа́та! . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лі, соро́чку лата́е, (148)
Ой ки́нувся до черешка́ — копі̂йки нема́е.

Сиди́ть пу́гачъ (149) на у́бочу, на ві́теръ наду́вся:
Иде́ коза́къ въ Укра́ину, на ли́хо здобу́вся.

Ишо́въ коза́къ на лині̂ю да й ве́льми наду́вся,
Ишо́въ коза́къ изъ лині̂и — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Утка. (147) Домогайся. (148) Починяетъ, кладетъ заплаты. (149) Филинъ.

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по козням Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высо́ко со́нце захо́дить, низе́нько ложи́тся,
Ой де́-сь то па́нъ Палѣ́й Семе́нъ тепе́ра жури́тся?

Высо́ко со́нце захо́дить, низе́нько захо́дить,
Ой де́-сь то па́нъ Палѣ́й Семе́нъ по Сиби́ру бро́-
дить!

„Ой чу́ро, мо̂й чу́ро, мо̂й вѣ́рный Стоусю!
Ой ходѣ́мо у капли́цю (150), Богу́ помолю́ся!

Ой Бо́гові помолю́ся, Святи́мъ поклоню́ся. . .
Зледащѣ́въ-же я поню́рый, старе́нькимъ здаю́ся!

Старе́нькимъ здаю́ся, моли́тися му́шу:
Хай ми́луе Милости́вый мою́ грѣ́шну ду́шу!“

Ой натягну́въ ёму́ чу́ра да сѣ́рую сви́ту,
Да да́въ ёму́ да у ру́ку ѐло́вую вѣ́ту.

Пойшо́въ па́нъ Палѣ́й Семе́нъ Бо́гові моли́ться,
Не то Бо́гові моли́ться, а не то́ жури́ться.

Прійшо́въ па́нъ Палѣ́й до-до́му, да й сѣ́въ у намѐтѣ,
На банду́рцѣ выграва́е: „Лихо жити въ свѣтѣ!

Той, ду́шу закла́вщи, сви́ту ба́чъ гапту́е; (151)
А той по Сиби́ру — мовъ въ лу́зѣ дубу́е.“

(150) Часовня. (151) Гаптовати — шить сребромъ.

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можетъ быть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хто́ въ Крыму́ не бува́въ,
То́й и ди́ва не вида́въ;
А мы́ въ Крыму́ бува́ли,
Мы́ тамъ ди́во вида́ли.

Переко́пській коменда́нтъ
Запоро́зьцямъ дае́ зна́ть:
— Ой го́дѣ-жъ вамъ, Запоро́зьцѝ,
Въ Каланта́ѣ пробува́ть,

Ой ходѣ́мо на Ялы́ (?)
Коза́ченькôвъ ря́това́ть. —
Запоро́зьцѝ якъ пôшли́:
Впере́дъ го́лову найшли́;

А въ Жадче́нка Степа́на
Облу́плена голова́,
Въ Моско́вського копита́на
Спи́на обôдра́на.

Лежа́ть на́ши коза́ченьки
Якъ бѣле́нькіи смычки́;
А въ Жадче́нка у Степа́на
По-за но́гтями спички́.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссіянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бу́гомъ надъ рѣко́ю, на Туре́цькой грани́цѣ,
Тамъ стоя́ли пикинêры, зъ ни́ми компанѣ́йцî.

Зеле́нои Недѣ́лоньки Орда́ наступа́е:
Гей, пано́ве, уступѣ́мо! запа́су не ма́е.

— Ой чого́-жъ намъ уступа́ти, чого́ боемо́ся?
Ой хочъ Орды́ бага́то йде́, мы ếй не дамо́ся! —

Иде́ Орда́ изъ-за Га́рда много́ зъ прапора́ми: (153)
Наложѣ́те-жъ, пикинêры, от-ту́тъ голова́ми!

Иде́ Орда́ изъ-за Бу́га, и въ Бу́гъ не знобится;
Ста́ли бѣдні̂ пикинêры въ Бугъ-рѣку́ топи́ться.

Иду́ть батьки́ и матері̂ да синôвъ пита́ють...
—Да вже́, батьки́, ва́шихъ синôвъ орлы́ догляда́ють!

Не зхотѣ́ли ва́ши сыны́ въ пикинêрахъ служи́ти,
Сѣ́ли собѣ́ слободо́ю надъ Бу́гомъ-рѣко́ю! —

Погорѣ́ли степы́, поля́ й зеле́ні̂ байраки,
Иду́ть зъ вôйська у городы́ го́лыи коза́ки.

(153) ра́норъ — знамя, оптуда́ Прапорщикъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Кистринъ и Гостинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хотинъ?

36.

Ой на морѣ, на морѣ синенькомъ,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ маленькими лебедятами.
Де ся-взявъ сизоперый орелъ,
Ставъ лебедку бити й забивати,
Стала лебедка до его промовляти:
Ой не бій мене, сизоперый орлоньку,
Скажу тобѣ всю щирую (154) правдоньку:

„Якъ у томъ мѣсцѣ у Кистринѣ
Да бьется Орда уже три днѣ,
Бьется вона три днѣ й три годины,
Розбилася вона на три половины.
Течуть рѣчки, да все кровавыи,
Черезъ тѣ рѣчки мостять мосты,
Мостять мосты, да все головками,
Головками, да все Московськими.“

(154) Щирый — истинный, настоящій; также чистый, ревностный, роскошный (дерево, цвѣтокъ).

37.

Ой ма́ла вдова́ сы́на сокола́,
Вы́годо́вала, въ во̂йсько оддала́.
Ой ста́рша сестра́ коня́ сѣдла́ла,
А середу́ща ху́стку (155) кача́ла,
А наймоло́дша выпроважа́ла,
А ма́ти его́ выпытова́ла:
— Сы́ну мо̂й, коли́ прї́дешъ до на́съ? —
„Годи́ я, не́не, прї́ду до ва́съ,
Якъ па́вине пе̂рья на-спо̂дъ потоне,
А млино́вый (156) ка́мень на-ве́рхъ вы́плине!“
Вже-жъ млино́вый ка́мень на-ве́рхъ вы́плинувъ,
Вже й па́вине пе̂рья на-спо̂дъ потону́ло;
А ще мого́ сы́на зъ Гостина́ не ви́дно!
Вы́йшла на го́ру: — ой все̂ полки́ йду́ть,
То мого́ сы́на ко́ника веду́ть! —
Пыта́ла вона́ всеи́ старшины́:
Чи не ба́чили сы́на со́кола? —
— „Чи не то́ тво̂й сы́нъ, що се̂мъ полко̂въ вбивъ,
За во́сьмымъ полко́мъ голо́вку зхили́въ?
Зозу́ля ле̂та́ла надъ ни́мъ куючи́,
А ко́ники ржа́ли его́ везучи́,
Коле́са скрипе́ли по̂дъ ни́мъ котючи́сь,
Слу́женьки пла́кали за ни́мъ иду́чи!“

---

(155) Платокъ. (156) Мельничный. Млинъ — мельница.

ОТРЫВОКЪ.

Ой бѣда́, о́рлику, ка́мѣнь скуе́.
А по Днѣпру́ що по Днѣпру́ молоды́й Коза́къ плыве́.
Молоды́й, коза́къ Ота́манъ Случа́й.
— Якъ сыкне Татарюга, що хо́чъ одвѣча́й.
Що хо́чъ одвѣча́й, хочъ прикмѣ́ты карбу́й,
Хочъ зло́го Татарю́гу и хло́пцѣ̂ вербу́й!

О *Случаѣ* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Былевыя пѣсни послѣ Гетьманщины.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

Замѣчаніе IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ утѣсненій за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отдѣлѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Заднѣпровско - Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харько́, *Желѣзня́къ* и особенно *Го́нта* были главными лицами, а *рѣзня въ Ума́ньщинѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей тогда въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сотникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ;* а по книгѣ Бантышъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жаботинѣ, въ конюшнѣ, Харьку отрубили голову, по приказанію Рейментаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Куплеты 2 и 3й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, горѣлки напився,
За ни́мъ, за ни́мъ сѣмсо́тъ мо́лодцо̂въ: — сто̂й, ба́тьку! не жури́ся.
Ѣхавъ Со́тникъ чере́зъ Ула́никъ, на вы́ечко похили́вся:
Ой чо́мъ-же ты, Па́не-Со́тнику, ой чо́мъ зажури́вся?
„Якъ же менѣ́, Паны́-мо́лодцѣ̂ ой я́къ не жури́ться;
Колі̂ по̂до́мно́ю була́ный ко́ню иржé й станови́ться!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскимъ*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Ви́слы да до Кі́ева пробитыи шляхи́:
Завладѣли неправди́во кра́емъ на́шимъ Ляхи́.

Якъ-же менѐ, паны-молодцѝ, ой якъ ся не журити:
Ой засѣдае городовый Сотникъ, да хоче менѐ
вбити!..."

Ой заржавъ-же вороный коникъ въ станѣ на по-
мостѣ;
А вже вбито Харька Сотника въ Морозовцѣ на мостѣ.

Ой летитъ крячокъ черезъ байрачокъ да й жалôб-
ненько кряче;
Стоитъ Сотничка зъ Полковникомъ да и жалôб-
ненько плаче:

— Ой бог-дай же ты, Полковнику, да наложивъ го-
ловою,
Що ты менѐ молоденькую да нарядивъ вдовою!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго Сотника *Гонты*, здѣсь открываются еще для Исторіи Жаботинскій Сотникъ *Мартынъ Бѣлуга*, Смѣлянскій Сотникъ *Шило*, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не есть ли Тименко?

39.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ зъ славного Запорôзья
Процвѣтае на Вкраинѣ якъ въ городѣ рожа.

Розпустивъ вôйсько козацькее въ славнôмъ мѣстѣ
Жаботинѣ —
Гей розлилась козацька слава по всѣй Украинѣ!

Гей, Максиме Полковнику, ты славный воину!
Гей выпусти зъ Жаботина хочъ Ляцьку дитину.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ листы одбѝрае,
Усѣхъ Ляхо̂въ изъ Жидами до-купы збѝрае.

Изо̂гнавши усѣхъ Ляхо̂въ зъ Жидами до-купы,
Оддавъ Ляха Губернатора да Бѣлузѣ въ руки.

Бѣлуга Мартынъ Жаботинській да по рыночку
ходить,
Свого Пана Губернатора за собою водить.

И водючи за собою да й до ёго каже:
— Не одного теперъ Ляха голова заляже! —

Гей якъ выйшовъ Сотникъ Смѣлянькій зъ своими
Козаками,
Ступай, ступай, Шило Сотнику, въ Богуславъ изъ
нами!

А въѣхали въ Богуславъ да въ середу вранцѣ,
Накидали въ то̂й годинѣ Жидо̂въ повни̂ шанці̂.

Дзюма Козакъ Уманьскій конемъ пріѣзжае,
До Уманя Желѣзняка зъ собою по̂дмовляе:

Гей, Максиме Полковнику, ты батьку козацькій!
Гей не втече изъ Уманя навѣтъ (157) и духъ Ляцькій!

По̂дъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великіи кручи;
Гей помлѣли Уманьчики Запорозьцевъ ждучи.

Гонта Сотникъ Уманьскій по-мѣжъ во̂йськомъ ходить,
Изъ Максимомъ Желѣзнякомъ черезъ листы говорить.

(157) Навѣтъ — даже.

А въ недѣлю рáно стáли да у дзвоны́ би́ти;
Гей ставъ Го́нта зъ козака́ми пôдъ Ума́нь пôдходи́ти.

Въ понедѣлокъ перéдъ обѣ́домъ изъ гармáтъ загу́ли,
А въ вôвто́рокъ ищé рáньше Умáня добу́ли. . .

Хвали́лися Умáньчики пôдъ Умáнь иду́чи:
Бу́демъ дрáти, паны́-мóлодцѝ, зъ китáйки ону́чи. —

Гей, якъ вы́йшовъ Донськíй козáкъ зъ-за Гóстроимоги́лы,
Утѣ̂кáли Умáньчики, штаны́ погуби́ли.

Макси́мъ Козáкъ Желѣзня́къ зъ лáгря вы́ѣзжáе,
Перéдъ Донськи́ми козакáми, и стрáху не мáе.

Ступáй, ступáй, Желѣзняку́! гóдѣ вже гуля́ти:
Пôйдемъ въ Кíевъ въ Печéрськее Бóгу роботáти!

И говóритъ Макси́мъ Козáкъ, си́дючи въ невóлѣ:
Не бу́дутъ матъ врáжѝ Ляхи́ на Вкраи́нѣ вóлѝ.

Течу́ть рѣки зъ всёгó свѣ́ту до Чóрного Мóря:
Мину́лася на Вкраи́нѣ Жидôвская вóля!

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Относится къ 1770 г.)

40.

Да спóявъ, спóявъ Сóтникъ Гóнта, въ степу́ три недѣ́лѝ;
Наѣхали Смѣля́нчики, да вôнъ ся ѝмъ звѣ́ривъ.

— Гóдѣ, гóдѣ, Сóтнику Гóнта, у степу́ стоя́ти;
Ходи́ зъ нáми Козакáми Умáнь грабовáти! —

„Ой якъ менѣ паны-молодцѣ, Умань грабовати,
И на свого пана - батька рукиподоймати?" —

Ой гуляйте Уманьчики не бойтесь нѣчого:
Вывѣшали Гайдамаковъ въ Пятигорахъ много!

Да повѣсили Котовича на зеленомъ дубѣ; —
Прiѣхала ёго сестра животовѣ люба.

Да незлѣчени червоньцѣ да въ запольи носить,
Хорошенько Рейментаря кланяючись просить:

— Да дозволь, Пане Рейментарю, червоньцѣ забрати,
Мого брата Котовича зъ шибеницѣ зняти. —

Да дозволивъ Панъ Рейментарь, червоньцѣ забрати;
Не дозволивъ Котовича зъ шибеницѣ зняти.

ПѢСНЯ О ҐОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтовалась Украйна, попы и дяки;
Погинули на Вкрайнѣ Жиды й Поляки.

Прилетѣли на Вкрайну изъ Западу гуси,
Погинули на Вкрайнѣ невинныи души.

Погинули Депутаты шляхетнои вроды,
Навѣтъ тая дробна шляхта, тыи хлѣборобы.

О Боже мой нескончѣный! що ся теперъ стало:
Якъ то вѣра, такъ то вѣра, а милостѣ мало!

О Бо́же мо̂й нескончёный! дивитися го́ре,
Що тепе́ра, на се́мъ свѣтѣ, вѣра вѣру бо́ре! . .

О Бо́же мо̂й нескончёный! въ на́съ такъ не веде́ться.
Памятайте, бунтовники́, ва́мъ то не мине́тся!

Ма́ли паны́ на Вкраинѣ до́бри̂ оборо́нци̂,
Звѣрилися Со́тникови̂, Ума́нському Го́нтѣ.

Ма́ли паны́ на Вкраинѣ ду́же до́брый тру́нокъ:
Паны́ тыи розу́мныи даду́ть собѣ́ рату́нокъ.

Паны́ тее зрозумѣвши, зго́ду учини́ли:
Пôдкинувшись пôдъ Ума́нь, Го́нту излови́ли.

Воны́-жъ его́ на-самъ-пе́редъ ба́рзо привѣта́ли,
Чере́зъ се́мъ дне́й зъ его ко́жу по-по́ясъ здира́ли.

И го́лову облупи́ли, со̂лью насоли́ли,
По́то̂мъ ему́ якъ че́стному наза́дъ положи́ли.

Панъ Рейме́нтарь похожа́е: — дивѣтеся, лю́де!
Хто́ ся то̂льки збунтова́въ, то всѣмъ тее буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Губерніи: по поводу чего, грамотой 1774 г. 22 Мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, переманили-было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000. Сіи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Государыню *разрушить Сѣчь Запорожскую*, повелѣніемъ 1775 г. 4 Іюня, даннымъ Генералъ-Поручику Текеллію..

42.

(Къ 1775 г.)

Да вста́нь, Харьку́! да вста́нь, ба́тьку! го́дѣ вже
нам̃ спа́ти:
Ой хо́дѣмо до Цари́цѣ ми́лостѣ прохати.

Ой Цари́це, на́ша Ма́ти! змилу́йся надъ на́ми:
Ой да́й-же намъ пре́жнѣ степы́ зъ те́мными луга́ми!

— Не дозво́лю Запоро́зцямъ степо́мъ облада́ти,
Да прикажу́ Москале́вѣ всю Сѣчь розоря́ти! —

Ой хо́дить нашъ Панъ-Кошо́вый, шабе́льку стиска́е,
Таки́-жъ бо вôнъ Москале́вѣ вѣры не дôйма́е:

„Ой хто хо́че зъ шабелька́ми, а мы́ зъ кулака́ми —
Неха́й пôйде на́ша сла́ва, по-мѣ́жъ козака́ми!“

43.

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы́, зъ-за Лима́ну вѣтеръ повѣва́е,
Да вже́жъ Москва́ Запорôзья круго́мъ обступа́е.

Ой облягла́, обступи́ла, да въ го́родъ вступи́ла,
Моско́вськими знаме́нами го́родъ закраси́ла.

Пôшла́ Москва́ по курêнямъ запа́су збира́ти . . .

Ой набра́ли срêбла-зло́та, да й ста́ли гада́ти:
Ой якъ бы намъ, мил́ѣ-бра́тья, Запорôзья взя́ти? —

Взяли́ со́тню Кошово́го й Писаря Полко́вого:
Щобъ не було́ Запорôзья поки свѣта сёго! —

Ой покры́лось Запорôзье густы́ми лоза́ми,
Да вмы́лися Моска́лики дрôбными слêза́ми!

ГАЛКА.

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ее ли должно отнести къ Кошевому Кальнашу? (см. *Чайка* на спр. (108.)

44.

Ой полети́, полети́, да чо́рная га́лко, да на До̂нъ
рыбы ѣсти,
Ой принеси́, принеси́, да чорная га́лко, одъ Кошо-
во́го вѣсти!

— Да вже́-жъ менѣ́ не лѣта́ти на До̂нъ рыбы ѣсти,
Да вже́-жъ менѣ не носи́ти одъ Кошово́го вѣсти̂! —

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и!
Повдава́лись о̂ди́нъ въ одно́го, якъ бра́тья ро̂дны́и.

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши ко́ні̂?
— На́ши ко́ні̂ въ Па́на на приго́нѣ, сами́-жъ мы
въ нево́лѣ! —

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши у́зды?
— На́ши у́зды въ ко́ней на зану́здѣ, сами́-жъ мы
у ну́ждѣ! —

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши
списы?
— На́ши списы у Па́на у стрѣ́сѣ (158), сами́-жъ
мы у лѣ́сѣ! —

(158) Стрѣха — крыша изъ простнику, или соломы.

Ой вы Запорózцû, ой вы молодыи! дé-жъ вáши ручнúцû?
— Нáши ручнúцû у Пáна въ свѣтлúцѣ, сáми-жъ мы въ темнúцѣ! —
Ой вы Запорózцû, ой вы молодыи! дé-жъ вáши лýки?
— Нáши лýки побрáли гайдýки, самú-жъ мы въ розлýкѣ! —
Ой вы Запорózцû, ой вы молодыи! дé-жъ вáши жупáны?
— Нáши жупáны поносúли Пáны, самú-жъ мы пропáли! —
Ой полетú, полетú, да чóрная гáлко, да на Дôнъ рыбы ѣсти!
Ой принесú, принесú, да чóрная гáлко, одъ Кошовóго вѣстû!"
— Да вже-жъ менѣ не лѣтати на Дôнъ рыбы ѣсти,
Да вжé-жъ менѣ не носúти одъ Кошовóго вѣстû! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спáвъ пýгачъ на могúлѣ, да й крúкнувъ вôнъ: пýгу!
Чи не дáсть Богъ козáченькамъ хочъ теперъ попýгу! . . .

Що дéнь, що нôчъ — усé ждемó . . . пожúвы не мáемъ:
Давнó булá! Хмельнúченька ужé не згадáемъ!

Ой колú-сь мы воёвáли, да бôльше не бýдемъ! . . .
Тогó счáстя й топ дóлû — повѣкъ не забýдемъ!

Да вжé шáблû заржáвѣли, мушкéты — безъ кýркôвъ,
А щé сéрдце козáцькее не боитcя Тýркôвъ!

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По долинѣ волы ревуть: ой чому-жъ то не коні ржуть —
Коні вороныи, коні выпряжныи!

Ой колись-то коні, коні. . по Кримськôй дорозѣ;
То-то було счастье, доля у Ланському розѣ! . . .

А въ Ланському розѣ яворъ похилився:
Ой Татаринъ тяжко-важко вертью закрутився.

Чи въ тебе, Татарине, горѣлонька увъ очихъ запѣла?
Чи въ тебе, Татарине, головоньку чара заломила?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Сербине, Сербине! покинь сербовати,
Вôзьми серпъ, да иди въ степъ пшениченьку жати.

— Бо-дай-же ты, дѣвчиночько, того не дôждала,
Да щô-бъ моя бѣла ручка пшениченьку жала. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губерніи осталось объ немъ много преданій, и урочище *Сербинъ Яръ*. Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Сербине, Сербиночку,
Свататай мене дѣвчиночку! . . .

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Се́рбина не люби́ть, чи то́жъ не хоро́шій:
Очи си́ні якъ у жа́бы, са́мъ на чо́рта схо́жій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ—гайдамакѣ, который столь грозно славился въ Украинѣ лѣтъ десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичь Сомовъ (подъ именемъ П. Байскаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гарку́ша до́бра ду́ша на шля́хъ погляда́е,
Свою́ лю́бу Горпи́ницю выжида́е.

ЛИМАНЪ.

48.

(Отрывокъ.)

У низъ иду́ — вода́ несе́;
Зъ ні́зу иду́ — бѣда́ жене́.
Жалкуе́ся Лима́нъ Мо́рю,
Що Днѣ́пръ ро́бить свою́ во́лю:
Свої́ го́рла прочища́е,
Лима́нові́ закида́е . . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Относится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збиралися комисары підъ царськи палаты,
Пишуть листы на Вкраину підъ аршины брати.
Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
Ой тожъ козакъ уродливый, доходить аршина.
Ой зачуе-жъ стара ненька, Ивасёва мати:
„Ой де-жъ тебе, мій сыноньку, я маю сховати!“
— На що-жъ мене, матусенько, ты маешъ ховати,
Буду тобѣ изъ столицѣ червонныи слати! —
„На що-жъ менѣ, мій сыноньку, червонныи твои?
Що нѣкому поховати головоньки менѣ!“
— Поховають, моя нене, тебе добри люди,
Ой якъ мене молодого до тебе не буде. —
Вдовинъ сынокъ вдовиченко коня наповає;
Его ненька старесенька въ вікно поглядає.
Вдовинъ сынокъ вдовиченко коника сѣдлає;
Его ненька старесенька сильненько рыдає.
Вдовинъ сынокъ вдовиченко на коня сѣдає;
Его ненька старесенька крыжемъ упадає.
Вдовинъ сынокъ вдовиченко зъ двора выѣзжає;
Его ненька старесенька за стременъ хапає. . .
Ой въ городѣ въ Очаковѣ вдарили изъ лука:
Да вже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну, зъ матерью розлука.
У городѣ въ Очаковѣ вдарили зъ гарматы:
Уже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну, матки не видати!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Чепѣги*, а свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникѣ 15-го Августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу, говоренную Потемкину Запорозцями на Великъдень* (Христо́съ воскре́съ, ра́дъ мі́ръ уве́сь. . . .); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ отцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой го́дѣ намъ жури́тися, пора́ перестáти;
Дождáлися одъ Цари́цѣ за слу́жбу заплáты!

Далá хлѣ́бъ-со́ль и грáмоты за вѣ́рныи слу́жбы;
Отъ-тепе́ръ мы, ми́лѣ брáтця! забу́демъ всѣ ну́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Ту́тъ-то мы бу́демо жи́ти и ры́бу лови́ти,
И врáжого да Черке́са по кру́чамъ гони́ти.

Въ Тама́нѣ жи́ть, вѣ́рне слу́жи́ть, грани́цю держа́ти,
Ры́бу лови́ть, горѣ́лку пи́ть, ще й бу́демъ бага́ти̂.

Да вже тре́ба жени́тися и хлѣ́ба роби́ти;
А хто прі́йде изъ невѣ́рныхъ, то якъ чо́рта би́ти.

Сла́ва Бо́гу и Цари́цѣ, а поко́й Гетьма́ну!
Залѣ́чи́ли въ сердця́хъ на́шихъ вели́кую ра́ну.

Благодарѣ́мъ мы Цари́цю, молѣ́мося Бо́гу,
Що Вона́ намъ указа́ла на Тама́нь доро́гу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫТОВЫЯ.

Ой хвортýно, хвортунúно! послýжи менѐ ще трôшки:
Служúла въ козáцтвѣ, служúла въ бурлацтвѣ, послужú въ чумáцтвѣ!

Украин. пѣсня.

Пѣсни сего отдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ*, *бурлацкомъ*, *чумацкомъ* и *гайдамацкомъ*.

Н. — **бурлачствомъ** называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ **бурлаковати**, (на-заробôтки). Слово бурла́ка значитъ еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдамáкъ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово **гайдама́ка** принимается въ смыслѣ разбойника (розбйшáка), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — **чумаками** называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь **чумакова́ти**, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ не рѣдкаго употребительнаго слова: *чумъ* или *гюмъ* — ковшъ. **Чумачство** издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Ме́рджѣ на ла́воньцѣ сиди́ть *Чумга́ Тарабу́лъ*:
Въ ёго лю́лька паху́лька, а тютю́нъ пороху́нъ.“

Въ Полт. Губ. есть село *Чумга́къ*.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сына проганя́е:
По̂ди́, сыну, геть одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Ту́рки во̂зьмуть!
Мене́, не́не, Ту́рки зна́ють —
Мене́ ко̂ньми надѣля́ють!

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сына проганя́е:
Поди́ сыну, геть одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Орда́ во̂зьме!
Мене́, не́не, Орда́ зна́е —
Срѣбло́мъ, зло́томъ надѣля́е!

Ста́рша сестра́ коня́ веде́,
А по̂дста́рша збро́ю несе́,
А ме́ньшая выпы́туе:
Коли́, бра́те, зъ во̂йська прі́йдешъ?

Во̂зьми́, се́стро, пе́ску жме́ню, (159)
Посѣ́й ёго́ на ка́меню,
Ходи́ къ ёму́ зо̂ро́ньками,
Полива́й ёго́ слѣ̂зо́ньками:

(159) Жме́ня — горсть.

Коли́, се́стро, пе̂со́къ зо̂йде —
Тогди̂ бра́тъ тво̂й зъ во̂йська прі́йде!
Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сына призыва́е:
Верни́сь, сы́нку, до-до́моньку,
Змы́ю тобѣ́ голо́воньку!
Мене́, не́не, змы́ютъ до́жчі̂,
А розче́шутъ густі̂ те́рны,
А вы́сушутъ бу́йні̂ вѣ́тры! . . .

2.

По-надъ мо́ремъ, Дуна́емъ
Вѣ́теръ я́воръ хита́е, (160)
Ма́ти сына пыта́е:
— Ой сыну мо̂й Іва́не,
Дитя́ мое́ коха́не! (161)
Чи менѣ́ тебе́ ожени́ть,
А чи въ во̂йсько уряди́ть? —
Якъ я тебе́ колыха́ла,
Усю́ но̂ченьку не спа́ла;
Якъ я тебе́ зрости́ла,
Сама́ себе́ звесели́ла;
Якъ я тебе́ оженю́
Всю ро́дину звеселю́;
Якъ я тебе́ въ во̂йсько о̂дда́мъ,
Собѣ́ жа́лю я зада́мъ! —
„Не жури́ся, моя́ ма́ти,

(160) Хита́ти — качать. (161) Коха́ный — возлюбленный, милый.

Вже сёго́ не минова́ти !
Испра́въ мені́ три трубы́,
Да усі́ три мѣдяни̂,
А четве́ртую трубу́
Испра́въ мені́ золоту́.
Въ пе́ршу трубу́ я загра́ю,
Якъ ко́ника осѣдла́ю;
А въ другу́ю я загра́ю,
Яхъ на ко́ника сѣда́ю;
А въ тре́тюю я́ загра́ю,
Зъ твого́ двора́ ѣдучи́;
А въ четве́ріпу затрублю́
Сере́дъ во̂йська стоючи́
И ша́бельку держучи́.

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое:

Ой у по́лѣ да де́рево
Зеле́не, кудря́ве,
По̂дъ тымъ де́ревомъ
Сиди́ть ма́ти зъ сыномъ
Вѣ́теръ де́рево хита́е и проч...

Въ другомъ конецъ такой:

Якъ зачу́ла тее ма́ти
Спа́ла пла́кати, рыда́ти:
„Ой сыне мо̂й Ива́не,
„Дитя́ мое́ коха́не!
„Ой коли́-бъ же я зузу́ля,
„Я-бъ до тебе полину́ла! (162)

(162) Поли́ну́ти — полетѣть.

3.

Засвистали козаченьки въ походъ зъ-полуночи;
Заплакала Марусенька свои ясни очи. —

Не плачъ, не плачъ, Марусенько! не плачъ, не журися:
За своего миленького Богу помолися! —

Стоитъ мѣсяцъ надъ горою да сонця немае;
Мати сына въ дороженьку слѣзно проважае.

„Прощай, милый мôй сыночку, да не забавляйся! (163)
Черезъ чотыри недѣлоньки до-дому вертайся.“

— Ой радъ бы я, матусенько, скорѣйше вернуться;
Да вже що-сь мôй вороненькій въ ворôтяхъ
зпôткнувся.

Ой Богъ знае коли вернусь, въ якую годину:
Прійми-жъ мою Марусеньку, якъ рôдну дитину.

Прійми ѣй, матусенько — все въ Божіей волѣ!
Бо хто знае: чи живъ вернусь, чи ляжу на полѣ?“

„Ой рада я Марусеньку за рôдну приняти;
Да все не такъ вона мене буде шановати.“

— Ой не плачте, не журѣтесь, въ тугу не вдавайтесь:
Загравъ мôй кôнь вороненькій, назадъ сподѣвайтесь!

(163) Бавитися — мѣшкать.

4.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ *Семеномъ Климовскимъ*, жившимъ около 1724 г.

Ѣхáвъ Козáкъ за Дунáй,
Сказáвъ: дѣвчино, прощáй!
Ты, кóнику ворóненькій,
Неси́ да гуля́й!

„Постôй, постôй, козáче!
Твоя́ дѣвчина плáче;
Съ кѣмъ ты менé покидáешъ —
Тôльки подумáй!"

Бѣлыхъ ру́чокъ не ламáй,
Ясныхъ óчокъ не зтирáй,
Менé зъ войны́ изъ слáвою
Къ собѣ́ дожидáй.

„Не хóчу я нíчогó,
Тôльки тебé óдногó;
Ты будь здорóвъ, мôй милéнькій —
А всé пропадáй!"

Свиснувъ Козáкъ на коня́:
Зоставáйся, молодá!
Я прiѣ́ду, якъ не згíну,
Черéзъ три годá . . .

Тебé-жъ, мíла, не забу́ду,
Покí живъ на свѣ́тѣ бу́ду;
Колí-жъ умру́ на войнѣ́,
Поплáчь обó мнѣ́! . . .

5.

— Що́ ты, ми́лый, ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́буть мене́ поки́нути ма́ешъ!
Ра́но встае́шъ, коня́ напова́ешъ,
Зеле́ного сѣньця́ пôдклада́ешъ,
Жовте́нького вôвса́ пôдсыпа́ешъ;
Въ сѣнечки йде́шъ — сѣде́льця пыта́ешъ,
Въ комо́ру йде́шъ — нага́йки шука́ешъ,
Дитя́ пла́че, ты не поколы́шешъ. —
Все на ме́не ва́жкимъ ду́хомъ ды́шешъ,

Ой у поро́га ревну́ла коро́ва, —
„Зостава́йся, ми́лая, здоро́ва!“
Ой ревну́ло ще й мале́ теля́тко —
„Зостава́йся мале́е дитя́тко!“
Ми́ла зъ ха́ты выбѣга́ла,
Свого́ ми́ло́го за стреме́нъ хапа́ла.
— Ой верни́ся, мôй ми́лый, верни́ся,
Варе́нои горѣлки напі́йся,
И въ голубы́й жупа́нъ прибери́ся,
И на ме́не ми́лу подиви́ся! —
„Не верну́ся, ми́ла, не верну́ся!
Я въ доро́зѣ й сыро́и напью́ся,
И на чужу́ ми́лу подивлю́ся,
До тебе въ недѣлю верну́ся,
Въ зеле́ный жупа́нъ приберу́ся.“
— Ой не ѣдь же, мôй ми́лый, ни́зомъ,
Заки́дана доро́женька хмызомъ. — (164)

(164) Хмызъ — хворостъ.

„Ой є въ мене коникъ вороненькій,
Перескочить той хмызокъ дробненькій.
Ой у полѣ вовки да лисицѣ,
Ой то-жъ мои братья да сестрицѣ.
Ой у полѣ чорный воронъ кряче,
То-жъ мою вôнъ голову баче."

6.

Ой поважай стару матерь, хочь вона й не рôдна:
Кохай, кохай дѣвчиноньку, хочъ вона и бѣдна.

— Не для того стара мати щобы поважати:
Не для того бѣдна дѣвка, що-бъ ѣй кохати.

Ой поважай сестру свою, сироту-вдовицю:
Кохай, кохай молодицю, гарну соболицю.

— Не для того сестры, вдовы, що-бъ ѣхъ поважати:
Не для того молодицѣ, що-бы ѣхъ кохати.

Ой поважай отця свого, да поважай брата:
— Не для того воны живуть, що-бъ ѣхъ поважати.

Коли треба поважати, то мы знаемъ за-що:
Да й не маму, да й не тата, ни сестру, ни брата.

Ой у мене є коняка, да й гарный коняка:
Ой якій вôнъ волоцюга, якій розбишака!

Ой того-то я коняку поважати буду,
За ёго не взявъ-бы срѣбла хочъ повную груду.

Ой ще на моєму боцѣ є шабелька гарна,
Спытай ѣѣ, спытай ѣѣ, чѣмъ вона не панна?

Ой панночко наша, панночко шаблюко,
Зъ бусурманомъ зустрѣвалась (165) да й не двôчи цѣловалась.

(165) Встрѣчалась.

7.

Сокóлоньку сынку, чинú мою вóлю:
Продáй коня́ вороно́го, вернúся до-дóму.

— Соколúхо мáти, коня́ не продáти,
Мому́ коню́ вороно́му треба сѣньця́ дáти.

Сокóлоньку сынку, рыбъ намъ не ловúти,
Нѣчого намъ ѣсти — гóлодомъ сидѣти.

— Соколúхо мáти, пустú погуля́ти,
Бу́ду гуля́ть, да гуля́ти, дóленьки шукáти.

Сокóлоньку сынку! хибá-жъ теперъ врéмя?
— Врéмя, мáти, врéмя! орлу́ разъ-то врéмя.

Ой привезу́, мáмо, тобѣ три жупáны,
Да всѣ тыи три жупáны всѣ срѣбломъ поткáнû;

Ой мѣжъ тѣми одúнъ жупáнъ изъ самóго Хáна:
Ой прощáй-же, моя́ мáмо, пôйду́ я до Хáна.

8.

„Ой панóве-мóлодцû, вôдкôль идете?
Да зъ якóи стороно́чки, да щó везете?"

— Ой, Пáне-Гетьмáне! були́ въ бусурмáна:
Багáцько въ чортя́ки вся́кого надбáне! —

„А щó-жъ вы, панóве, чогó тамъ чувáли,
Якóго видáли, якóго зôбрали?"

— Щó, Пáне-Гетьмáне! по три смýхи зъ барáка,
Четвéрту малéньку зъ самогó бусурмáна. —

9.

Ой у лузѣ да калина весь лугъ изкрасила:
Породила спара мати жовнѣронька сына.

„Породила-жъ мене мати темненькои ночи,
Дала менѣ бѣле личко и чорныи очи.

Було-бъ менѣ бѣленького личка не давати,
Було-бъ менѣ, моя мати, счастье й долю дати!

Породила мене мати въ Святую Недѣлю:
Дала менѣ лиху долю — де-жъ ее подѣну?...

Лиху долю ни продати, а ни промѣняти;
Всюды люди лихо знають, не хотять куповати!“

Розвивайся, сухій дубе! завтра морозъ буде,
А вже тобѣ, гарный хлопче, завтра походъ буде!

— Я морозу не боюся, завтра розвинуся!
„Я походу не боюся, заразъ выберуся!“

Плаче мила, плаче чорными очима:
— Вечеронька на столѣ, а смерть за плечима! —

„Кропить дожчикъ дороженьку да щобъ не курѣла:“
Ой порадьте моей милой да щобъ не тужила!“

10.

Ой сѣвъ козакъ ѣсти, идуть къ ему вѣсти:
Кидай, козакъ, вечеряти, часъ на коня сѣсти!
Козакъ покидае, на коня сѣдае,
Мати его родненькая зъ жалю омлѣвае.

„Не дай, Боже, смерти, въ чужомъ краю вмерти:
Нема кому жалковати, головки звязати!
Воронъ прилетае, въ вочи заглядае,
Беле тело объедае, костки покидае! . . .“

11.

Ой кряче, кряче чорненькій воронъ
Да на глыбокой долинѣ;
Ой плаче, плаче молодый козаче
По несчастливой годинѣ.
Ой кряче, кряче да чорненькій воронъ,
Да у лузѣ надъ водою;
Ой плаче, плаче молодый козаче
На конику на вороному.
— Вороный коню! грай ты подо мною,
Да розбій ты тугу мою!
Розбій, розбій тугу по темному лугу
Козакови да молодому. —
Ой ѣде козакъ да дороженькою,
Слезоньками умывается:
— Десь моя ненька, десь моя стаpенька
Да за мною убивается!
Да въ недѣлоньку рано по-раненьку,
Да якъ сонце не зходило,
Да зъѣзжалася вся моя родина,
Вона мене выпроводила.
Выпровожаешъ, моя родиночько!
Да чи не жаль тобѣ буде,
Якъ я поѣду на ту Украйну,
Да межъ чужіи люди?

Ой згадай мене, моя стара нене,
Сѣдаючи да обѣдати:
Де-сь моя дитина на чужой сторонѣ,
Да нѣкому да одвѣдати!
Ой згадай мене, моя стара нене,
Якъ сядешъ у вечерѣ ѣсти:
Де-сь моя дитина на чужой сторонѣ,
Да немае одъ ней вѣсти.

12.

Стоитъ яворъ надъ водою, въ воду похилився;
На козака пригодонька (166), козакъ зажурився.

Не хилися, явороньку, ще ты зелененькій!
Не журися, козаченьку, ще ты молоденькій!

Не радъ яворъ хилитися — вода корнѣ мые;
Не радъ Козакъ журитися, да серденько ные!

Ой поѣхавъ въ Московщину козакъ молоденькій —
Орѣхове сѣделечко и конь вороненькій.

Ой поѣхавъ въ Московщину да тамъ и загинувъ,

Казавъ собѣ: насыпали высоку могилу,
Казавъ собѣ: посадили въ головкахъ калину!

Будутъ пташки прилѣтати калиноньку ѣсти,
Будутъ менѣ приносити одъ родоньку вѣсти!...

(166) Невзгодье, бѣда.

13.

Го́ре мене́ на чужи́нѣ,
Що́ не вку́пѣ браты́ мои́:
Оди́нъ въ Сѣ́чѣ Отама́номъ,
Дру́гій въ степу́ зъ Вата́жкою,
Тре́тій До́йно Дойни́ченько . . .
По-на́дъ Днѣстро́мъ До́йно хо́дить,
Де́вятеро ко́ней во́дить,
На деся́то̂мъ поѣзжа́е,
Днѣстра́ бра́томъ называ́е.
„Днѣ́стре бра́те, побрата́ймось!
Скажи́ рѣ́чцѣ Савра́нсько̂й (168)
И прикмѣ̂тѣ (168) коза́цько̂й.“
Въ-го́ру, До́йно Дойни́ченько!
Тамъ рѣ́ченька Савра́нськая
И прикмѣ̂та коза́цькая . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лѣ,
Зъ ору́жины ого́нь кре́ше,
Ска́лки ло́мить, розклада́е,
Въ свои́ ра́ны загляда́е:
Постре́лены — къ се́рдцю прі́йшли́,
Пору́баны — кро́вью зо̂йшли́. —
Заклада́вся оре́лъ зъ коне́мъ,
А за тыи крини́ченьки:

(167) *Савранка* впадаетъ въ Бугъ. (168) *Прикмѣ́та* — смышленость, удальство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
Менѣ крильця повтинаешъ!“
— Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
Мєнѣ ноги повтинаешъ. —
Ой кôнь бѣжить, земля дрôжить;
Орелъ летить, пêро дзвенить;
Ой кôнь бѣжить все ярами,
Орелъ летить все лугами.
Кôнь до воды прибѣгае,
Орла брата выглядае:
Орелъ летить и не смѣе
Коня брата не пôзнае;
Даруй, коню, крылечками,
А хто ходить нôжечками!

14.

„Вôдкôль ѣдешъ?“ — Одъ Дунаю! —
„А що чувавъ про Михайлу?“
— Эге! чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
Козаченьки на чотыри,
А Татаре поле крыли.
А въ тôмъ вôйську козацькому
Ѣхавъ вôзокъ да й покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою козацькою.
А въ тôмъ вôзку було тѣло,
Порубане, почорнѣло;
За тѣмъ вôзкомъ кôнь лыцарськiй;
Веде коня хлопъ козацькiй,
Держить списъ въ руцѣ довгенькiй,
А у другôй мечъ ясенькiй.

Ой ще̂ зъ меча̂ и кро̂въ тече̂!
По Михайлѣ мати плаче̂ . . .
Не дуже вонъ порубаный:
Головонька на три части̂,
Бѣле тѣло на чотыри̂!
На-що, мати, справу дбати (169)!
Треба досчокъ добувати,
Хоромину будовати!
Дай три доски кленовыи,
А четверту сосновую:
Безъ дверъ хата, безъ во̂конець,
Бо вже̂ прійшовъ ёму конець!

Въ другихъ варіянтахъ находятся слѣдующіе стихи:

А въ то̂мъ во̂зку козакъ лежить
Пострѣляный, порубаный,
На три части̂ роздѣленый;
Въ право̂й руцѣ шаблю держить,
А зъ той шабли̂ кро̂вця бѣжить —
Бѣжить рѣчка кровавая,
Надъ рѣчкою яворъ стоить,
Надъ яворомъ воронъ кряче,
За козакомъ мати плаче,
Вона плаче и рыдае,
Свого сына не по̂знае.

---

(169) Яствы готовить.

Сидитъ воронъ надъ скалóю
Похитуе головóю:
— Ой я твогó сына знáю,
Трúчи нá день пóпасъ мáю,
Зô лбá óчи выбирáю.
Идú, старá, до-дóмочку,
Вôзьмú пêску́ въ прáву ру́чку,
Посѣй ёгó въ горóдочку,
Якъ той пêсóкъ въ-гóру зôйде,
Тогдѝ сынъ до тебе прійде!

15.

Вѣтеръ гудé, травá шумúть,
Козáкъ бѣдный убúтъ лежúть
На купúнѣ головóю,
Накрывъ óчи осокóю.
Кóнь вороный у нôженькахъ,
Орéлъ сúзый въ головóнькахъ;
Вôнъ козакá доглядáе,
На кýчерѝ наступáе . . .
Вôнъ до ёго промовляе:
„Сúзый óрле, побратáймось!
Якъ ты, брáте óрле, стáнешь
Зъ лóбу óчѝ выдирáти,
Дáй же моéй нéньцѣ знáти,
Моéй нéньцѣ старéсенькой,
Матýсеньцѣ рôднéсенькой.
Ой знáй, óрле, щó казáти,
Якъ у тебе моя мáти
Бýде про мéне пытáти!

Скажи: служить вôнъ у Хана,
Въ пана Хана Татарина,
У Крымського Добродѣя;
Да выслуживъ королêвоньку,
Въ чистôмъ полѣ могилоньку. . ."

16.

Ой кôнь бѣжить, трава шумить:
Да вжéжъ козакъ убитъ лежить,
На купинѣ головóю,
Прикрывъ ноги осокóю,
Жóвте тѣло рокитóю,
Бѣлû руки хустинóю,
Ясне личко китайкóю. . .
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ нôженькахъ кôникъ плаче;
Копытомъ зêмлю выбивае,
Свогó пана вôнъ пытае:
— Ой пане-жъ мôй, пане,
Пане копитане!
Ой кому мене вручаешъ,
Кому коня покидаешъ?
Чи Турчину, чи Татарину? . . .
„Тебé, кóню, Турчинъ не пôймае,
А Татаринъ не ôсѣдлае.
Ой бѣжи, кóню, тéмными лугами,
Бѣжи, кóню, битыми шляхами;
Да прибѣжи, кóню, до двору,

Та вдарь копытомъ въ болону!
А выйде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька;
Вона буде тебе за поводы брати,
Буде тобѣ сѣна пôдкладати,
Вôвса буде тобѣ пôдсыпати,
Холодною водицёю наповати,
И скрôзь слёзы про мене пытати.
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився,
Да понявъ себѣ паняночку,
Въ чистôмъ полѣ земляночку —
Що куды вѣтеръ не вѣе,
Ни сонечко вже не грѣе. . .
Безъ вôконець и безъ дверець —
Тамъ спить козакъ-молодець. . .“

17.

Ой у пôлѣ снѣжокъ порошить
Ажъ тамъ козакъ забитъ лежить,
На купинѣ головою,
Накрывъ очи муравою,
Муравою зеленою,
Червоною китайкою.
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ нôженькахъ коникъ плаче:
— Або мене, пане, пускай,
Або менѣ заплату дай! —
„Зôрви, коню, шовковый поводъ,
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубровою;

Выѣжъ травы́ двѣ косарѝ,
Выпій воды́ два озéрѝ,
Пôдбѣжи́, кóню, пôдъ ворôта,
А вдáрь кóню у копы́та!
А вы́йде до тéбе нéнька старéнька,
Козáцькая матусéнька —
Ой знáй, кóню, щó казáти,
Якъ бýде у тéбе пытáти:
Ой кóню мôй вороне́нькій,
А дé твôй пáнъ молодéнькій?
Чи ты́ ёгó въ вôйську згуби́въ,
Чи ты́ ёгó пôдъ сéбе зби́въ? —
А ни я́ ёгó въ вôйську згуби́въ,
А ни я ёгó пôдъ сéбе зби́въ:
Заслужи́въ вôнъ паня́ночку,
Въ чи́стôмъ пóлѣ земляночку!..“

18.

(Гáлицкая)

Чóрна рôля́ (170) заóрана — *гей, гей* —
Чóрна рôля́ заóрана
И кýлями (171) засѣ́яна,
Бѣлымъ тѣломъ зволóчена, — *гей, гей* —
И кровóю сполóщена.

Лежи́ть воякъ на купинѣ́ — *гей, гей* —
Лежи́ть воякъ на купинѣ́,
Накры́въ óчѝ китайкóю.

(170) Рôля́ — пашня. (171) Кýля — пуля.

Китайкою червоною — *гей, гей* —
Накрывъ очи китайкою.

А ни труны (172), а ни ямы — *гей, гей* —
А ни труны, а ни ямы,
А ни вотця, а ни мамы.
А некому задзвонити — *гей, гей* —
А некому затужити!

Дзвонять кони копытами — *гей, гей* —
Дзвонять кони копытами,
А вояки острогами.
Дзвонять кони копытами — *гей, гей* —
А вояки острогами.

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ — *гей, гей* —
Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ,
На могилѣ усѣдае,
Очи ёму выпивае — *гей, гей* —
Очи ёму выпивае.

Ходить мати гукаючи — *гей, гей* —
Ходить мати гукаючи,
Сына свого пытаючи.
— Ой я твого сына знаю — *гей, гей* —
Бо я зъ ёго попасъ (173) маю!

„Скажи менѣ, воронъ милый — *гей, гей* —
Скажи менѣ, воронъ милый:
Чи мой сынокъ ище бѣлый,
Чи ще оченьки ясненьки — *гей, гей* —
Да чи уста румьяненьки?..."

(172) Труна — гробъ (173) Паству.

— Вже́ его́ уста́ сине́нькі — *гей, гей* —
Вже́ его́ уста́ сине́нькі,
Его́ ли́чко вже́ чорне́ньке,
Я на ли́чку присѣда́ю — *гей, гей* —
Очі ему́ выпива́ю!...

19.

По-за са́домъ зелене́нькимъ доро́жка лежа́ла:
Молода́я туды́ пані не́крутъ выряжа́ла,
Выряжа́ла на вороно́мъ кони́ченьку.
— Вы́йди, вы́йди, се́рдце мое́, дѣвчи́нонько! —
Ой не вы́йшла дѣвчи́нонька, вы́йшла стара́ ма́ти;
Взяла́ коня́ за по́воды, да и ста́ла пыта́ти:
„Ой сыну-жъ мо́й, соко́лоньку, де́жъ тебе́ шука́ти?"
— Шука́й въ степу́, кра́й доро́ги, моя́ ро́дна ма́ти!
Тамъ я бу́ду, моя́ ма́ти, го́ремъ горева́ти —
Свои́мъ чу́бомъ кучеря́вымъ степы́ устила́ти,
А своею кровицею мо́ря доповня́ти,
А ще́ свои́мъ бѣлымъ тѣломъ орлы́ годова́ти.....
„Бо-да́й же вы, воро́женьки, всѣ ра́зомъ пропа́ли,
Якъ вы тую бѣду́ зна́ли, менѣ не сказа́ли;
А тоді вже вы сказа́ли, якъ сына по́йма́ли!
А по́йма́ли мого́ сына, да ру́ки звяза́ли,
Повяза́вши бѣлі ру́ки, везу́ть до Прилу́ки,
„А зъ Прилу́ки до Полтавы, до вѣчной прися́ги:
Прися́гъ Царю́, прися́гъ Бо́гу, одре́кся одъ ро́ду,
Проща́й, сыну, мо́й го́лубе, не ду́май до до́му!

20.

До вдо́виного двора́
Лежи́ть доро́жка нова́,
А въ то̂мъ дворѣ́ столы́ тесанû,
По-мѣ̂жъ тѣ̂ми стола́ми
Сидя́ть паны́ ряда́ми,
Пи́шуть ли́сты пе̂ра́ми,
Пи́шуть, пи́шуть и рядя́ть
Кого́ въ некру́ты оддать.

— Де пя́ть — тамъ не бра́ть;
Де чоты́рû — тамъ веля́ть;
Де три́ — тамъ не ты́;
Де два́ — тамъ не̂-льга́.

У вдови́ны оди́нъ сы́нъ,
И то́й по̂шо́въ по̂дъ арши́нъ;
По̂дъ арши́номъ не до̂йшо́въ
И запла́кавши по̂шо́въ.

Паны́ ёго́ пожалѣ́ли
И купи́ли ко́ника,
И ко́ника й шабельку́,
По̂шо́въ хло́пецъ до повку́.

Иде́ мати, рыда́е,
Всю старщи́ну збûра́е.
„Ой старши́на моя́ ми́ла,
Выпуска́йте мого́ сы́на.“

Обо̂зва́вся одине́цъ,
Уродли́вый молоде́цъ:

— Не пла́чъ, ма́ти, не рыда́й,
Ка́рыхъ о́чей не зтира́й,
Ой тогдѝ ты запла́чешъ,
Якъ на му́штрѣ заба́чишъ.

А чій-же то ланы́
Позасѣва́ли паны́?
А то того́ одинця́,
Вродли́вого молодця́.
А вы́йдемо на той ла́нъ,
А вда́рѣмо въ бараба́нъ.
Отъ: ма́терѝ на жа́лость,
А старши́нѣ на ра́дость.
Пошла ма́ти плачучи́,
А старши́нѣ радощѝ.

21.

Ой кри́кнули орлы́, зъ-за мо́ря летю́чи:
Запла́кали бурла́ченьки въ нево́лѣ сидю́чи.

— Дава́й, Со́тській, по́шту, коня́ вороно́го,
Да повезе́мъ до пріёму хло́пця молодо́го! —

Взялѝ да й помча́ли те́мными луга́ми;
А за ни́ми оте́ць, ма́ти, би́тими шляха́ми.

А де́ на́-но̂чъ ста́нуть, све́тло задува́ють,
Що ро̂дного отця́ й не́ньки да не допуска́ють.

„Не пла́чъ, моя́ ма́ти, не пла́чъ, не жури́ся:
„Ще́ я молоде́нькій коза́къ, выслужу́ся!“

22.

Ой зачула-жъ моя доля,
Що не бути менѣ дома,
Бути-жъ менѣ у неволѣ,
У некруцькому наборѣ! —
Скоро козакъ догадався,
До дѣвчины заховався:
— Ой дѣвчино, мое сердце,
Зховай мене пôдъ ряденьце! —
Скоро люди доглядѣли,
Кругомъ хату обступили,
Въ дѣвки двери розломили
И козака уловили;
Быстрiй нôженьки зковали,
Бѣлiй рученьки звязали,
Посадили у вôзочокъ,
Сами сѣли въ передочокъ,
Да й повезли въ городочокъ.
Сами коней поганяютъ,
Да й на хлопця поглядаютъ —
Щобъ и коней не втомити,
Щобъ и хлопця не впустити.
На коникахъ пѣна пала,
Недалеко вже Полтава.
Прiѣхали до Полтавы,
Оддатчики повставали,
Быстрiй нôжки розковали,
Бѣлiй ручки розвязали,
Да повели у свѣтлицю,
Посадили на скамницю,

Чорнî кудрî пôдголили
Да й муницю начêпили,
По базару поводили,
Мéдомъ - виномъ напоили.
„Лучче-бъ менѣ волôвъ пасти,
Нêжъ тепера зъ коня впасти!
Лучче-бъ менѣ погонити,
Нêжъ зъ панами говорити!
Луччебъ менѣ зъ грабельками,
Нêжъ тепера зъ шабельками.“

23.

Ой дубъ на березу гôльемъ похилився,
Сынъ своей матерî до нôгъ уклонився:
„Ой стара нене, чомъ не женишь мене?“
— На що-жъ тебе, сыну, молодымъ женити?
Хиба тобѣ, сыну, нѣ зъ кѣмъ говорити?
Куплю тобѣ, сыну, коня вороного,
Коня вороного, говори до его. —
„Но подоба, мати, зъ конемъ розмовляти:
Ой часъ и година дѣвчины шукати.
Ой коню-жъ мôй, коню, коню вороненькій!
Ой чого ты стоишъ на станѣ смутненькій?“
— Того я смутненькій, що ты молоденькій,
Що ты рано встаешъ, мене наповаешъ,
Мене наповаешъ, вôзьмешъ осѣдлаешъ,
Куды погадаешъ, туды й поганяешъ,
Нигде твого шинку не минаешъ,
Мене вороного къ стовбу припинаешъ.
Я сырую землю по поясъ выбью,

Доки тебе, Пане, зъ того шинку вызву.
Ой дай менѣ сѣна по самі колѣна,
Дай менѣ воды по самі поводы,
Ой дай менѣ мочі по карыи очі —
Тогді гуляй, Пане, хоча до пôвночи!

24.

Ой галочки чорненькіи круту гору вкрыли;
Молодыи козаченьки жалю наробили.

Ой галочки чорненькіи, пôдôймайтесь въ гору!
Молодыи козаченьки, вертайтесь до-дому!

— Ой раді мы пôднятися — туманъ налягае.
— Ой раді мы вертатися — да Панъ не пускае.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Бердичовѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцôвъ двѣстѣ.
А чѣмъ-же іхъ вербовали?
Злотыхъ грошей даровали.

Въ Бердичовѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцôвъ двѣстѣ;
И конюхи, и писарі
Увъ уланы приставали.

Пристань, Юрку, до вербунку,
Будешъ ѣсти зъ масломъ курку,
Будешъ ѣсти, будешъ пити,
Будешъ якъ панокъ ходити.

Забу́дь та́та, забу́дь ма́му,
А са́мъ приста́нь увъ ула́ны!
Тепе́ръ ма́ешъ горёва́ти,
Лу́чше въ во́йську панова́ти.

А въ ула́нахъ даю́ть гро́шî,
Бу́дешъ бага́тый, хоро́шій;
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешъ пи́ти
И хороше́ въ чёмъ ходи́ти.

И хороше́ въ чёмъ ходи́ти —
Довбе́шками во́шû би́ти.
И острогі́ побѣля́нî,
И чо́боты ваксова́нî.

Ки́тель бѣ́лый, ки́веръ чо́рный,
Хло́пець га́рный и мото́рный,
И чикчи́ры гаптова́нî,
Самы́ паны́ прибира́нî.

А зво̂дко̂ль вы? — Могиля́не.
А чія́ ты? — Ковалёва.
Ой я дѣ́вка мѣ́жъ дѣ́вками,
Череви́чки съ по̂дко̂вками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гей-же! — Да журба́ мене́ скруши́ла,
Да журба́ мене́ зсуши́ла, — *да гей!*
Гей-же! — за чужи́ми вола́ми ходючи́
Да чужіи возы́ мажучи́, — *да гей!*
Да ну́те, волы́, пома́лу,
Да вытяга́йте изъ я́ру. —
Ой кри́кнули журавлі̂,
Да хо́дючи по ролѣ́:
Да лу́чче рốля ранняя,
А нêжъ тая пôзняя;
Що́ на ра́ннêй женцî̂ жну́ть,
А на пôзнêй скотомъ бьють. —
Ой кри́кнули молодцî̂,
Да си́дючи въ корчомцѣ́:
Да лу́чче жôнка перша́я,
А нêжъ тая друга́я;
Да що́ зъ пе́ршою дѣтей ма́въ,
А зъ другóю розôгна́въ.
Да идѣ́ть дѣ́ти служи́ти,
Чôмъ ма́чусѣ годи́ти! —
Да оди́нъ пôшо́въ до попа́,
Дру́гій пôшо́въ до жи́да,
Тре́тій пôшо́въ до па́на —
Щобъ ма́чуха пропа́ла!
Хо́дить ба́тько по валу́,
Кли́че дѣтей до-дому́:

Да идѣть дѣти до-дому,
Не буде вамъ розгону!
— Живи, тату, якъ Богъ давъ,
Коли ты насъ розôгнавъ!
Мы будемо служити,
За матêрью тужити!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуляе до-волî,
А я козакъ на чужинѣ да не маю долî.

Выйду за ворота, надѣвши сêмрягу,
Ой хто-жъ мене да пригорне бѣдного непягу!

Осѣдлаю коня да поѣду въ поле,
Прощай, прощай матусенько, моя рôдна ненько!"

— Ой ты сизый орле, высоко лêтаешъ,
Ой чи часто мого сына у вôчî видаешъ?

„Сынъ твôй, мати, въ полѣ, въ полѣ спочивае,
Надъ нимъ сидить сизый сокôлъ, въ головоньку
ськае."

Да вдарилась мати объ полы руками:
— Теперъ-же я, мои дѣти, пропала изъ вами. —

„Сама себе, мати, сама провинила,
Що насъ такихъ покохала да й не поженила."

— Сыны-жъ мои любî, сыны вы миленькî,
Тымъ-же я васъ не женила, що вы молоденькî!

28.

— Въ недѣлоньку рано розигралося море:
Не одному сыну на чужинѣ горе!

Выйду за ворота, стану якъ сирота.
Нихто мене не займае! я бѣдный сирота! . . .

Да летить орелъ сизый, орелъ сизокрылый:
„Чого стоишъ-тужишъ, мôй сыну единый!"

— Да порадь менѣ, орле! що маю робити:
Да померъ отець, мати, вся моя родина. —

„Да и ты не знаешъ, да и я не знаю,
Покидай сей край, де роду не маешъ;

Да йди на Вкраину, тамъ знайдешъ родину,
Тамъ знайдешь родину, любую дѣвчину."

29.

Журба мене сушить, журба мене валить,
Журба-жъ мене, мати, скоро изъ нôгъ звалить!

А я-жъ тôй журьбѣ да й не пôддаюся —
Пôйду до шинкарки, горѣлки напьюся.

Горѣлочка пьяна, суча журба впряма;
Горѣлочка сумна, суча журба умна.

Чому-сь менѣ, брате, горѣлка не пьется,
Биля мого серденька якъ гадина вьется.

Коло сердця, брате, коло сердця мого,
А коли не вѣришъ, нехай биля твого!

Були въ мене луги, стали жито жати;
Бувъ въ мене отець и рôдная мати,
А теперъ нѣкому порадоньки дати!

Були́ въ мене́ лу́ги, высо́кіи во̂льхи,
Були́ въ мене́ дядьки́ и ро̂дныи тѐтки,
А тепе́ръ по̂ра́доньки не ма́ю ни зво̂дко̂ль!

Да були́ въ мене́ лу́ги, були́ и копицѝ —
А тепе́ръ нѣкому пода́ть и води́цѝ.

Не да́й Бо́же сме́рти — на чужи́нѣ вме́рти:
Ой нѣкому догляну́ти тамъ мое́и сме́рти.

30.

Ой не шуми́, лу́же, дубро́вою ду́же,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо̂мъ кра́ю,

Ой я въ чужо̂мъ кра́ю якъ на пожари́нѣ,
Нихто́ мене́ не приго́рне при лихо̂й годи́нѣ!

Ой роблю́ я, роблю́, робо́та ни-за́-що,
Люди ка́жуть и гово́рять: сирота́ леда́що!

Сирота́ леда́що, не хо́че роби́ти;
Ой отда́ймо вра́жа сына у во̂йсько служи́ти!

Сирота́ втоми́вся, на ти́нъ похили́вся —
Люди ка́жуть и гово́рять: во̂нъ ма́буть упи́вся!

Ой по̂йду́ я, по̂йду́ на гору́ круту́ю,
Ой стану-жъ я, подивлю́ся на рѣчку быстру́ю.

Ой рѣченька, быстре́нькая! на е́и дивлю́ся,
Такѝ мене́ думки́ вно́сять: по̂йду́ утоплю́ся!...

— Не топи́ся, коза́ченьку! ма́рне ду́шу згу́бишъ:
Тре́ба зъ не́ю въ свѣтѣ жи́ти, хочъ е̂й не лю́бишъ!...

31.

Ой не шуми́, лу́же, ты зеле́ный га́ю,
Не завдава́й се́рдцю жа́лю, бо я́ въ чужо̂мъ кра́ю!
Бо я́ въ чужо̂мъ кра́ю ма́рне пропада́ю,
Ой тымъ-же я пропада́ю, що ро́ду не ма́ю. . .
Хочъ у ме́не и е́ ро̂дъ — дале́ко одъ ме́не;
Ой я чую́ чере́зъ люди, цура́ються ме́не.
Неха́й воны́ цура́ются, да якъ сами́ зна́ють,
Прі́йде та́я годи́нонька, що й мене́ згада́ють!

32.

Зъ по́ля ве́теръ ве́е,
За Лима́номъ завыва́е,
Ту́га-печа́ль налята́е. —
Ой я съ ту́ги, да зъ печа́ли
По́йду́ въ корчму́ погуля́ю.
Шинка́рочка молода́я,
Вона́-жъ мене́ давно́ зна́е,
Горе́лочки пове́ряе. —
Шинка́рочко молода́я!
Усыпъ ме́ду и горе́лки,
Тепе́ръ въ ме́не нема́ жо̂нки.
Въ ко́го жо̂нка́, въ ко́го де́ти,
Тому́ въ По́льщѣ до́бре жи́ти.
А я́ жо̂ночки не ма́ю,
Я въ Оде́сѣ пробува́ю. —
А въ Оде́сѣ до́бре жи́ти,
Мѣшко́мъ хлѣ́ба не носи́ти,
На па́ньщину не ходи́ти,
Поду́шного не пла́ти́ти.
Ни за плу́гомъ, ни за ра́ломъ,
Называ́ють мене́ па́номъ.

33.

Ой лужечки да бережечки да вода поняла;
Да вже-жъ мою да головоньку журба обняла.

Охъ и я журбу, охъ и я тоску да на листу спишу;
Охъ и я журбу, охъ и я тоску на Дунай пущу.

Да плыви, журбо, да плыви, тоска, да по всѣмъ берегамъ;
Охъ и роздай, Боже, мою печаленьку по всѣмъ ворогамъ.

Да зеленый дубъ, да зеленый дубъ, да безъ сонця завъявъ,
Молоденькому да козаченьку Богъ долѣ не давъ.

Да не давъ долѣ, да не давъ счастя, да не давъ талана,
Да куды я пойду, куды повернуся — то все чужина.

34.

Ой въ полѣ могила зъ вѣтромъ говорила:
Повѣй, вѣтре, ты на мене, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,
Щобъ на менѣ трава росла, да ще й зеленѣла!

И вѣтеръ не вѣе, и сонце не грѣе,
Тôльки въ степу при дорозѣ трава зеленѣе!

Ой у степу рѣчка, черезъ рѣчку кладка:
Не покидай, козаченьку, рôдненького батька!

Якъ батька покинешъ, самъ марне загинешъ,
Рѣченькою быстренькою за Дунай заплинешъ.

— Бо-да́й та́я рѣчка рыбы не плоди́ла:
Вона́ мого́ това́риша на-вѣ́ки втопи́ла!
Бо-да́й та́я рѣчка кошу́ромъ заросла́:
Вона́ мого́ това́риша за Дуна́й занесла́!

35.

Летѣ́въ соколо́нько, да й сѣ́въ на дубо́ньку,
Схили́въ-склони́въ голово́ньку уни́зъ до-доло́ньку.
Кли́че ма́ти сы́на зъ корчмы́ до-домо́ньку:
Иди́, сы́ну, до-домо́ньку, пропье́шъ худобо́ньку.
„Ма́ти-жъ моя́, ма́ти, и са́мъ-же я ба́чу,
Що я́ свою́ худо́боньку усе́ ма́рне тра́чу.
Ой не пôйду́, ма́ти, до-до́моньку спа́ти:
Е на се́рдцѣ скорби́тонька, дале́ченько зна́ти.
Зна́ти ма́ти, зна́ти; ще́ знатнѣ́йше бу́де,
Що́ учо́ра изъ-вечо́ра осуди́ли лю́де.
Не та́къ стары̂ лю́ди, якъ малы́и дѣ́ти:
Доведе́ться одъ ворогôвъ въ кайдана́хъ сидѣ́ти!
Хочъ бу́ду сидѣ́ти, да зна́тиму за́-що:
Неха́й зъ ме́не не смѣ́ется вся́кее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що роби́ти-спа́ти:
Запряжу́ чоты́ры̂ волы́ да пôйду́ ора́ти!
Волы́ мои́ половы́и, чому́ не оре́те?
Лѣ́та мои́ молоды́и, чому́ ма́рне йде́те?
„Якъ бы вы́ насъ поганя́ли, такъ бы мы́ й ора́ли!
„Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, такъ бы ва́съ слуха́ли.“

Запряжу̂ чотыри̂ кони̂, кони̂ вороныи,
Да поѣ̂ду доганяти лѣта молодыи.

Ой догнавъ же лѣта свои въ калиновôмъ мостѣ:
Вернѣтеся, лѣта мои, хочъ до мене въ гости̂!

Лѣта-жъ мои, лѣта мои, лѣта молоденьки̂!
Коли доля несчастлива — будьте коротеньки̂!

37.

Летѣвъ голубъ да все роскошно;
Лѣта мои молодыи пôшли розточно.

Летѣвъ голубъ да й упавъ на садъ:
Лѣта мои молодыи, вернѣться назадъ!

38.

Летить орелъ по-надъ моремъ по высокôй высо-
кости̂:
Плаче козакъ старесенькій да по своѣй молодосци̂.

— Лѣта-жъ мои молодыи, де ся вы подѣли:
Чи вы въ луги, чи въ байраки геть одъ мене по-
летѣли?

Лѣта-жъ мои молодыи, де ся вы подѣли? . . .
Завилися въ кленовый листъ, да въ лѣсъ полетѣли!

Козацькая здобыченька марне пропадае:
Тыждень козакъ заробляе, за одинъ дѣнь пропивае."

39.

Да йшовъ козакъ зъ Дону, да зъ Дону до-дому,
Да й сѣвъ надъ водою, проклинае долю:
— Доле-жъ моя, доле, чомъ ты не такая,
Ой чомъ не такая, якъ доля чужая?

Що люди не роблять, да въ жупанахъ ходять,
А я роблю, дбаю — и свиты не маю;
Що люди гуляють и роскоши мають,
А я роблю, дбаю — ничого не маю! —
Обôзветься доля по томъ боцѣ моря:
„Козаче-бурлаче! дурный розумъ маешъ,
Що ты свою долю марне проклинаешъ:
Ой невинна доля, винна твоя воля —
Що ты заробляешъ, то все пропиваешъ,
Що въ день загорюешъ, за нôчъ прогайнуешъ,
А що заталанишъ (174), то музыки наймешъ:
Ой грайте, музыки, изъ двора до двора,
Да щобъ не журилась стара ненька дома!...
— Якъ музыки грали, то й насъ люди знали,
А якъ перестали, то й лаяти стали! —

40.

Ой не спавъ я нôчку темненькую,
Да не буду спати ще й другую,
Да чому-сь менѣ нудно
И на серденьку трудно,
Молодый козакъ, самъ не знаю!

Да вѣють вѣтры все буйныи,
Да идуть дожчи все дрôбныи,
Землю розрушають,
И травою устилають,
Краснымъ цвѣтомъ искрашають.

(174) Заталанити или закаланити — прiобрѣсть, нажить.

Да тепе́ръ рѣчки́ не глыбо́кія
И на перево́зѣ не широ́кія;
А луги́ изъ луга́ми,
Береги́ зъ берега́ми,
Де прохо́дять зъ корабля́ми.

А тепе́ръ не прохо́дять,
И бурла́къ не прово́дять
За вра́жими ворога́ми!...

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки́ до Мару́сѝ въ го́стѝ:
„Мару́сенько-па́нѝ! чи е́ твôй панъ до́ма?
Коли́-жъ нема́ па́на, вы́йди до на́съ са́ма!"
Мару́сенька не пôзна́ла, въ черевичкахъ вы́йшла:
— Есте́ вы коза́ки, есте́ гайдама́ки! —

„Мару́сенько-па́нѝ! по чо̂мъ ты пôзна́ла?
По чо̂мъ ты пôзна́ла, пра́вдоньку сказа́ла?"

— По то̂мъ я пôзна́ла, пра́вдоньку сказа́ла,
Що я́ свого́ па́на ко́ника пôзна́ла. —

„Мару́сенько-па́нѝ! не пра́вдоньку-жъ ка́жешъ:
Мы того́ ко́ника въ твого́ па́на купи́ли,
Въ зеле́нôй дубро́вѣ гро́шѝ полѣчи́ли,
Въ холо́днôй крыни́цѣ могори́чъ запи́ли,
Пôдъ гнилу́ коло́ду па́на пôдкопи́ли.

42.

(Галицкая).

„А щó у тôй Чорногóрѣ за ворóнî кóнî!
Ходѣ́мъ, брáте, въ гайдамáки, чýемо червóнî.

Ой и чýемо червóнî въ пáна молодóго...
Ой я́къ бы ихъ да ужи́ти зъ дворá головнóго?“

— Ой я знáю, пáне-брáте, я́къ то ѝхъ ужи́ти:
Молодóго тогó пáна до стѣны́ приби́ти!

Ой приби́ти рýки, нóги, ще межи́ плечи́ма,
Да щóбъ на нáсъ вôнъ диви́вся чóрными очи́ма!

43.

На́-що-жъ тобѣ́, пáне-брáте, торби́ну таскáти?
Лѣ́пше тобѣ́, пáне-брáте, людéй розбивáти.

Чи знáешъ ты, пáне-брáте, що бýдемъ дѣя́ти:
Вырѣ́жемо врáжихъ сынôвъ, бýдемъ пановáти!

Чи бáчишъ ты, пáне-брáте, за лѣ́сомъ моги́ла:
Чи ты́ умрéшъ, чи пови́снешъ — разъ мáти роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

44.

Ой по горáмъ снѣги́ лежáть,
По доли́намъ вóды стоя́ть,
А по шляхáмъ маки́ цвѣ́тутъ:
То не маки́, а чумаки́ —
Зъ Кры́му идýть, ры́бу везýть.

Мáти сына вызнавáла,
Да не взнáла — выкликáла:
— Иди́, сынку, до-дóмоньку,
Змыю тобѣ́ голóвоньку! —

„Измый, мáти, самá собѣ,
Або́ моêй рôднôй сестрѣ:
Мене́ змыють — дрôбнû дóжчû,
А розчéшуть — гýстû терны,
А просýшить — ясне́ сóлнце,
А розкýдрють — бýйнû вѣтры!..."

45.

Чумáченьки козáченьки кáшу вари́ли,
А сами́ сѣдáли, пѣсню спѣвáли:
„Хóдить пýга по лугý,
Гнéться тýръ-вôлъ у дугý.
Хóдить пýга по гáю,
Кли́че дѣвку Гáлю.
Хóдить пýга по балкáхъ,
Плáче пýга по Козакáхъ.
Хóдить пýга по дубрóвѣ,
Що немáе дóлû, дóлû!"

46.

Зацвѣлá калúна у лýзѣ да попустúла квѣты,
Не одúнъ чумáнъ кúда жôнку и дрôбнéнькіи дѣты.

Дóбре булó да чумаковáти пóки всюды булó рôвно,
А тó вже черéзъ тíи билéты да й ходúти не вôльно.

Гей въ степý глыбóка крынúця, тôльки водá бли-
щúтся;
Гей пôйшóвъ-бы я до жôнки, дѣтéй — не мáю
чéмъ розплатúться.

47.

Ой ходи́въ чума́къ сѣмъ ро́къ по Дону́,
Да не було́ пригодоньки нико́ли ёму́.

Ой ишо́въ чума́къ зъ Крыму до-до́му,
Спа́лась ёму́ пригодонька за всю́ доро́гу,

Спа́лась ёму́ пригодонька не въ де́нь, а въ ночі̂,
Занеду́жавъ чума́ченько зъ Крыму идучи́,
При широ́кôй доро́женьцѣ волы́ пасучи́.

Ой пôйшо́въ чума́къ въ Сама́ръ на база́ръ,
Черво́ною хусти́ною голо́вку звяза́въ.

Ой упа́въ чума́къ, упа́въ да й лежи́ть,
Нихто́ ёго́ не спита́е що́ въ ёго боли́ть.

Ой и боли́ть въ ёго се́рдце й голова́,
Помира́е чума́ченько, а ро́ду нема́.

Прійшо́въ до ёго́ ота́манъ ёго́,
Бере́ его́ за ру́ченьку, жалу́е ёго́.

„Ота́мане мôй, жа́луешъ мене́:
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укры́й мене́.

Бери́ мои волы́-возы́ — похова́й мене́,
Бери́ мое срêбло-зло́то — помина́й мене́."

Изки́нувъ чума́къ сви́ту и кожу́хъ,
Припада́е къ сиро́й землѣ, те́плый зводе ду́хъ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе капшу́къ:
„Волы́ мои поло́выи, хто́-жъ бу́де вамъ па́нъ?

Да вда́рили зъ-ра́зу у вели́кій дзво̂нъ,
Се́-жъ по тому́ чума́ченьку що ходи́въ на До̂нъ.

Да вда́рили зра́зу въ дзвоны́ уво всѣ́:
Се́-жъ по тому́ чумако̂вѝ, що ходи́въ по со̂ль.

Ой ишли́ волы́ да въ во̂смерику́,
Задзвони́ли въ усѣ́ дзвоны́ по то̂мъ чумаку́.

Ревну́ли волы́ у ново̂мъ ярмѣ́;
Похова́ли чума́ченька въ чужо́й стоpонѣ́.

Ревну́ли волы́ степо́мъ идучи́;
Похова́ли чума́ченька, зъ Крыму везучи́.

48.

Ой злетѣ́въ пу́гачъ на яли́ноньку, да якъ *пу́гу* да *пу́гу*!
Гей, дотяга́йте сла́внѝ чума́ченьки да до тѐмного
лу́гу!

Ой ра́дибъ мы поспѣша́ти, да чума́къ занеду́жавъ.
Ой занеду́жавъ да чума́къ Мики́та да на во̂зъ
похили́вся,

Да пра́вою ру́ченькою за се́рдце ухопи́вся,
Ка́ренькими о́ченьками на во́лико̂въ подиви́вся.
„Ой волы́ мои́, да половы́и! хто́ вамъ Па́номъ бу́де?
Ой я́къ мене́ чумака́ Мики́ты на свѣтѣ не бу́де?"
— Ой то́й надъ на́ми бу́де панова́ти, хто́ насъ бу-
де поганя́ти! —

Ой вы чума́ченьки, ой вы бурла́ченьки! ой вы
лю́ди на все́ го́жи!

Ой изробѣте чумако́ви Мики́тѣ домови́ну зъ рого́жи.
Та вы́рыйте надъ чумако́мъ Мики́тою да высо́-
ку моги́лу;
Та посадѣте надъ чумако́мъ Мики́тою, да чер-
во́ну кали́ну.

49.

Ой чума́че, чума́че!
Въ тебе ли́чко коза́че.
Чомъ не ра́но зъ Кры́му йде́шъ,
Не всѣхъ чумаков̂ъ веде́шъ?
— Ой я ра́но зъ Кры́му йду́,
Всѣхъ чума́ченьков̂ъ веду́,
Т̂олько̂жъ нема́ одно́го —
Мого́ бра́та родно́го! (а)
Шука́въ, шука́въ, не найшо́въ,
Запрêгъ волы́ да й по̂шо́въ.
Ѣхавъ, ѣхавъ — моги́ла,
Крâй моги́лы — доли́на,
Та́мъ чумаки́ стоя́ли,
Та́мъ же и мы́ приста́ли.
Отама́не, ба́тьку на́шъ!
Пора́дь же ты тепе́ръ на́съ:
Що бу́демо роби́ти,
Чѣмъ во́ликов̂ъ корми́ти?
— А ще, хло́пцû, не бѣда́!
Есть у по́лѣ лобода́:
Косѣ́ть, хло́пцû, лободу́ —
Забува́йте сю́ бѣду́!
Косѣ́ть, хло́пцû, пшени́цю —
Въ чи́сто̂мъ по́лѣ метли́цю.
Ко́сѣть, хло́пцû, ве́сь спори́шъ —
Кормѣ́ть волов̂ъ на бары́шъ.
Косѣ́ть, хло́пцû ота́ву —
Пасѣ́ть волов̂ъ на сла́ву.

Косѣть, хлопцѣ, ще ячмѣнь —
Поѣдемо въ Крымъ по соль!
Косѣть, хлопцѣ, и овесъ —
Поѣдемо у Одесъ!
Косѣть, хлопцѣ, очеретъ —
Наваримо вечерять,
Укинемо чабака,
Да помянемъ чумака! . . .

(а) *Вмѣсто сихъ стиховъ поютъ еще такъ:*

Только одного нема —
Вдовиного Ивана:
Склалась ему причина,
Головоньку пробила —
Поламались терезы,
Соль важучи ни возы.

50.

Да иде чумакъ да дорогою,
Медъ-вино кружае;
Да оглянется да чумакъ назадъ,
Ажъ воловъ не мае.

— Да бѣжи, хлопку, да бѣжи, малый,
Давай панамъ знати:
Да нехай паны, да нехай воны
Шлють воловъ шукати! —

Ой у Кіевѣ да на рыночку
У всѣ дзвоны дзвонять. . .

Да оглянется да чумакъ назадъ,
Ажъ воликôвъ гонять.

Да оглянется да чумакъ назадъ,
Ажъ воликôвъ женуть;
А за волами да за возами
Бусурмена ведуть.

Да ведуть, ведуть да бусурмена
На круту могилу:
— Да дивись, дивись, да бусурмене,
На свою крайну. —

„Да теперъ менѣ, да милӣ братья,
Крайна не мила:
Що розсердився мôй отецъ й мати,
Ще й вѣрна дружина!"

51.

У полѣ криниченька, холодна водиченька;
Тамъ чумакъ волôвъ наповає:
Волы ревуть, воды не пьютъ, дороженьку
чуютъ.

„Бо-дай же васъ, сѣрӣ волы, да до Крыму не
зходили!
Якъ вы мене молодого навѣкъ засмутили..."

Померъ, померъ чумаченько въ недѣленьку
вранцѣ;
Поховали чумаченька въ зеленôмъ байрацѣ.

Насыпа́ли чума́ченьку висо́ку могилу;
Посади́ли на моги́лѣ червону кали́ну.

Прилетѣ́ла зозу́ленька, да й сказа́ла: ку́-ку!
Пода́й, сы́ну, пода́й, о́рле, хочъ пра́вую ру́ку!

„Ой ра́дъ-бы я́, моя́ ма́ти, обѣ́-двѣ пода́ти;
Да налягла́ сыра́ земля́, не мо́жно пôдня́ти!"

3714 2716544 867D1

